ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

научный юридический журнал

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.ur-fakt.ru

ISSN 2500-1140 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №122

КЕМЕРОВО 2020

21 декабря 2020
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431
ISSN 2500-1140
УДК 378.001
Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по юридическим наукам. Подробнее на www.ur-fakt.ru
За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.: Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уловного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзуцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно–экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидиат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Научный юридический журнал «Юридический факт», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации юридических наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru
Подписано в печать 21.12.2020 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.
Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.
Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.
Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна

Содержание

1. МЕСТО В СИСТЕМЕ ЗАВЕЩАНИЯ СПОСОБОВ РАСПОРЯЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ В РФ……..……..……..……..…….3
Тарасевич М.В.
2. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВТОРСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СУБЪЕКТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ……..……..…….9
Коваленко А.М.
3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАЖ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ……..……..……...13
Жарикова М.Д.
4. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ……..……..……..……....16
Амнякова А.В., Ткачук Т.А.
5. ЭКСТРЕМИЗМ: ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И БОРЬБЫ.....18
Амнякова А.В., Ткачук Т.А.
6. ИЗМЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ……..……..……..……...21
Раков И.И.
7. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, СОВЕРШИВШЕГО УГОЛОВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)…….……..…..23
Соколова А.А., Фабрика Т.А.
8. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ…….26
Шевченко А.В.
9. ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ЛИДЕРА ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ ……..…30
Шевченко А.В.
10. СООТНОШЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ, ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДМЕТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА……..……..…33
Дуйсебаева С.Б.
11. СОДЕРЖАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИХ МЕСТО В СТРУКТУРЕ ПРЕДМЕТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА……..……38
Дуйсебаева С.Б.
12. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНТГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЯПОНИИ ……..……....42
Гатиев Б.М.
13. ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ХИЩЕНИЯ……..……....45
Боровиков А.В.
14. РОЛЬ ЗЕМЕЛЬНОГО НАЛОГА В СИСТЕМЕ НАЛОГОВЫХ ДОХОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..……..……...50
Сухих О.В.
15. ПУТИ РЕШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО, В ТОМ ЧИСЛЕ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ……...54
Кулуев Э.Ф.
16. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОДНОСТОРОННЕГО ОТКАЗА ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА……..……...59
Панковец А.А.
17. ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК РЕАЛИЗАЦИИ ОДНОСТОРОННЕГО ОТКАЗА ЗАКАЗЧИКОМ…....64
Панковец А.А.

Тарасевич Мария Владимировна
Tarasevich Maria Vladimirovna
Студентка Челябинского Государственного Университета. Гражданское право

УДК 347.67

МЕСТО В СИСТЕМЕ ЗАВЕЩАНИЯ СПОСОБОВ РАСПОРЯЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ В РФ

PLACE IN THE SYSTEM OF WILLING TO DISPOSE OF PROPERTY IN THE EVENT OF DEATH IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу завещания и наследственного договора как форм завещания в гражданском праве Российской Федерации. В статье определены основные понятия, сходства и различия данных форм завещания.

Abstract: The article is devoted to the comparative analysis of will and inheritance agreement as forms of will in the civil law of the Russian Federation. The article defines the basic concepts, similarities and differences of these forms of will.

Ключевые слова: наследование по завещанию, завещание, виды завещаний, наследственный договор, законодательство, сравнительный анализ.

Key words: inheritance by will, will, types of wills, inheritance contract, legislation, comparative analysis.

Одной из недавних новелл наследственного права стало введение в действие наследственного договора как альтернативного основания наследования. Как справедливо замечает Е.Ф. Цокур, законодатель должен постоянно совершенствовать нормы наследственного права, что и реализуется на практике в форме появления новых моделей наследования.[1] Наследственный договор занял промежуточную позицию между передачей имущества по завещанию и по договору.

По этой причине, наследственный договор необходимо отличать от завещания, так как это разные категории, которые призваны решать разные задачи. Если у человека есть имущество, иные активы или предполагается, что это все появится в будущем, то можно спрогнозировать, кто получит все это после его смерти в том порядке и количестве, в каком он захочет. Для воплощения данного желания в реальность, ранее существовал институт завещания, в котором лицо могло тайно по своему усмотрению оставить все свое имущество кому пожелает. Сегодня такое желание можно осуществить не только путем составления завещания, но и путем составления наследственного договора.

На практике в России наследственный договор как альтернативный способ передачи имущества пока не получил широкого прикладного применения. Это объясняется тем, что, во-первых, такой вариант известен пока немногим, а во-вторых, потенциальные пользователи данной правовой модели, постепенно узнающие о возможности составления наследственного договора, какое-то время автоматически будут относиться к нему с недоверием, как ко всему новому. По-прежнему более популярным остается завещание. Однако, с практической точки зрения, завещание менее интересно, по нему человек ничего не получает взамен. В то время как по наследственному договору можно не просто передать наследство, но и сделать это с выгодой для себя самого. Рассмотрим подробнее и проанализируем специфику этого основания наследования, его отдельные достоинства и недостатки.

Для общего понятия сущности данной договорной конструкции и причины перехода к данному способу распоряжения имуществом, необходимо сначала разобраться с общими определениями и понятиями. Итак, по общему правилу завещание – это односторонняя сделка, в которой одна сторона (завещатель), выражает свою волю в отношении своего имущества на случай своей смерти. При этом вторая сторона (наследники), в составлении завещания не то, что не участвует, она даже может ничего не знать о наследстве.

[1] Цокур, Е.Ф. Современные проблемы взаимодействия социального и индивидуального начал правового регулирования наследования по закону и принятия наследства в Российской Федерации [Текст] / Е.Ф. Цокур // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 4. – С. 45-48.

Наследственный договор – это всегда двусторонняя сделка, а значит в ней принимают активное участие две стороны и наследодатель, и наследники.[2] Причем если завещание подписывает только завещатель, то наследственный договор выражает волю всех сторон.

Согласно нормам Гражданского кодекса РФ, под завещанием необходимо понимать одностороннюю сделку, которая создает все права и обязанности только после открытия наследства. По своему содержанию завещание является облеченным в предписанную законом форму волеизъявлением наследодателя. Оно направлено на определение того, кому достанется имущество после смерти этого лица.[3]

Помимо правил, закрепленных в разделе пятом части третьей ГК РФ «Наследственное право» на завещания также распространяются нормы главы девятой «Сделки» Гражданского Кодекса Российской Федерации. В соответствии с частью 3 и 4 статьи 1118 ГК РФ, завещание носит строго личный и индивидуальный характер, то есть на стороне завещателя может быть только одно лицо. За исключением совместного завещания супругов. Уникальность наследственного договора состоит в том, что он частично исполняется при жизни наследодателя, а частично после смерти. Так, все обязанности наследников в отношении наследодателя, должны выполняться при жизни наследодателя, а вот свои наследственные права на наследственное имущество, наследники могут реализовать только после смерти наследодателя.[4] К примеру, указанный в договоре наследник обязуется материально содержать наследодателя, оплачивать долги наследодателя при его жизни, заботиться о нем или о любом другом родственнике наследодателя или даже выгуливать собак наследодателя. И за это после смерти наследодателя получит наследственное имущество или его часть.

В договоре заранее четко прописывается, что получает такой наследник после открытия наследства. Данный договор очень похож на договор ренты или пожизненного содержания с иждивением. Только в отличие от наследственного договора плательщики ренты получают имущество сразу еще при жизни владельца.[5]

Таким образом, в наследственном договоре как бы происходит разделение прав и обязанностей: имущественные права наследники получают исключительно после смерти наследодателя, а вот исполнение обязанностей происходит сразу при жизни наследодателя. Право на обязательную долю сохраняется. А, следовательно, дети и иные иждивенцы вправе получить свою обязательную наследственную долю, даже если о них не упоминается в договоре.

Огромным недостатком такого договора является то, что последующее завещание может его отменить. Так как согласно общим нормам наследственного права во внимание принимается последняя воля умершего лица, независимо от того, была она выражена в наследственном договоре, совместном завещании супругов или любом другом завещании. Тайна завещания препятствует наследникам по наследственному договору заранее узнать о наличии такого последующего распоряжения. Да и действовать оно начнет только после смерти наследодателя. Получается, что наследники по наследственному договору ухаживают при жизни за наследодателем, оплачивают его долги, содержат его в надежде, что после смерти наследодателя, они получат его имущество.

После открытия наследства открывается тайна о существовании завещания, составленного после заключения договора и отменяющего все его положения.[6] Таким образом, налицо мошенничество со стороны умершего наследодателя. Неоднократно этот вопрос задавали и теоретики, и практики. В частности, их интересовало, можно ли данный долг, который возник у наследодателя перед наследниками по договору, передать по наследству тем лицам, которые были призваны к наследству. Ответ оказался неутешительным. По общему правилу таких норм не существует. Связано это с правовой природой наследственного договора, а именно данный договор относится к договорам фидуциарным, то есть к тем, которые строятся на личных и доверительных

[2] Буров, А.Г. Наследственный договор – новшество наследственного права России // Политика, государство и право. – 2013. – № 7 (19). – С. 1.

[3] Чумакова, О.Н. Способы закрепления гарантий при заключении сделок с использованием конструкции предварительного договора// Научные труды РАЮН. – 2016. – Вып. №18. – Т.2. – С.165-167.

[4] Сидорова, В.Н., Бейн, А.К. Наследственный договор: юридикофактические проблемы // Нотариус. – 2015. – № 4. – С. 28-30.

[5] Скопиченко, О.В. Наследственный договор в системе гражданско-правовых договоров // Молодий вчений. – 2015. – № 5-3 (20). – С. 78-82.

[6] Сидорова, В.Н., Бейн, А.К. Наследственный договор: юридикофактические проблемы // Нотариус. – 2015. – № 4. – С. 28-30.

началах.

Следовательно, наследственный договор относится к личным обязательствам, а личные обязательства не передаются по наследству. Итак, получается, что наследодатель имеет полное право расторгнуть договор в одностороннем порядке, а вот наследник такого права не имеет. Он может это сделать только по соглашению сторон или в суде. Кроме того, наследодатель имеет полное право распоряжаться своим имуществом, включенным в договор как наследственная масса, в своих интересах. Например, продать, поменять или подарить. Договор не может запретить данное право наследодателя. Ввиду того, что наследственный договор не является имущественным обременением. Он не может не обременить, ни ограничить право собственности наследодателя пока наследодатель жив. То есть собственник может при жизни продать свое завещанное имущество по любому иному договору или завещать любому другому лицу. Причем в таком случае не получит ничего после открытия наследства.

Итак, согласно вышеуказанной ст. 1140.1 ГК РФ как одна из ключевых идей наследственного договора в качестве его плюса рассматривается возможность наследодателя передавать наследство не просто так, а взамен на что-либо. Суть наследственного договора в том, что наследодатель подписывает со своими предположительными наследниками соглашение. Будущих наследников наследодатель определяет самостоятельно. Подобным соглашением наследодатель свидетельствует, что после того, как он уйдет из жизни, указанное в договоре имущество перейдет к названным наследникам.[7]

В то же время, взамен он вправе возложить на наследников встречные обязательства имущественного или неимущественного характера. Например, обеспечить наследодателю пожизненное содержание, уход, поддерживать чистоту в его квартире, ежемесячно платить определенную сумму, ухаживать за его домашними питомцами и другие разнообразные варианты. Наследодатель обладает широким выбором в определении обязательств для наследников. Единственное ограничение заключается в том, что установленные им варианты не должны противоречить закону, а кроме того, разумеется, наследники должны быть согласны на них, в противном случае договор не состоится. Второй немаловажный момент касается того, что на наследников также и после открытия наследства можно возложить обязанности.

Наследственный договор предполагает возможность использования завещательного отказа, в рамках которого имущество переходит к наследнику с определенным обременением, так как взамен он будет обязан исполнить предусмотренное договором обязательство. То есть, к примеру, предоставить квартиру в пожизненное пользование члену семьи наследодателя. Кроме того, правовая конструкция наследственного договора позволяет включать определенные условия перехода имущества к наследникам. Закон прямо разрешает использовать в наследственном договоре условия различного характера. Можно распределять наследство в зависимости от обстоятельств, относительно которых неизвестно, наступят они или нет ко дню открытия наследства. Например, по условиям наследственного договора квартира переходит к внуку, если он ко дню открытия наследства достигнет совершеннолетия, а если не достигнет, то к дочери. Безусловно, под запретом находятся условия, касающиеся личных прав и свобод человека и, например, условие никогда не жениться или, наоборот, условие никогда не разводиться, а также все подобные условия, ограничивающие правоспособность человека. Запрещается ставить также все заведомо невыполнимые условия.

Другое очень важное обстоятельство – по наследственному договору собственность переходит к наследникам лишь после смерти наследодателя. Следует отметить, что в плане возложения на наследника встречных обязательств наследственный договор имеет определенное сходство с рентой. Но в отличие от ренты, когда человек перестает быть собственником, по наследственному договору собственник остается в своем праве до конца своих дней. При этом он может по своему усмотрению свободно распоряжаться имуществом, может его подарить либо продать. Наследники при этом ничего не получат, однако любое давление на собственника исключается, никто не может ему запретить осуществить подобного рода распоряжение, так как закон напрямую запрещает ставить какие-либо ограничения на этот счет в договоре.

Еще одна деталь института наследственного договора – возможность досрочно отказаться от договора. Согласно нормам законодательства наследодатель вправе досрочно отказаться от договора.

[7] Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2018. 25 июля. № 160.

Для досрочного отказа от договора наследодателю достаточно обратиться к нотариусу, затем с помощью нотариуса направить участникам договора соответствующие уведомления и возместить наследникам затраты, если они уже их фактически понесли, исполняя договор. Наследники, в общем-то, не могут так просто отказаться от договора. В договоре для них должна быть отдельным пунктом предусмотрена такая возможность, иначе досрочное расторжение осуществимо для них лишь в судебном порядке.

Однако и для наследников в наследственном договоре есть ряд положительных моментов. В первую очередь, очевидно, что в отличие от завещания риск отмены наследственного договора в суде после того, как откроется наследство, минимален. Договор подписывается всеми участниками, заверяется нотариусом, все это в обязательном порядке записывается на видео, после чего файл хранится у нотариуса. Таким образом, остается достаточно доказательств того, что наследодатель подписывал соглашение и находился при этом в ясном уме. Кроме того, права и обязанности по наследственному договору переходят к наследникам сразу же, с момента открытия наследства. То есть им не нужно специально принимать наследство и ждать шесть месяцев, чтобы оформить собственность на себя.

Тем не менее, правовая конструкция наследственного договора, если рассматривать ее с позиции интересов, указанных в нем наследников, содержит в себе один недостаток, свойственный, впрочем, и завещанию.

Наследственный договор аналогичен завещанию в части обязательных наследников. Если они обнаружатся, то наследникам придется выделить им положенную по закону долю. «При подготовке законопроекта федеральные органы исполнительной власти, отвечающие за социальную политику (социальный блок Правительства РФ), высказывались за сохранение приоритета прав определенной категории наследников на обязательную долю.

В свою очередь федеральные органы исполнительной власти, проводящие экономическую политику (экономический блок Правительства РФ), а также предпринимательские объединения выступали за приоритет свободы договора, считая, что наследственное право не должно быть исключением. В итоге, с учетом категорий граждан, имеющих право на обязательную долю в наследстве, а также учитывая сокращение обязательной доли с 2/3 до 1/2 (произошло в 2001 г., при принятии третьей части ГК РФ), было принято решение о приоритете прав на обязательную долю перед договором»[8].

Таким образом, следует еще раз отметить важность новой формы завещательных отношений как наследственный договор. Данный институт позволяет охватить различные жизненные ситуации. Особенно важна его роль в случаях, когда среди близких людей нет человека, на кого наследодатель мог бы положиться и быть уверенным, что его посмертная воля будет исполнена так, как он того хочет. Потенциальному наследодателю предоставляется возможность заранее заключить наследственный договор с любым человеком, независимо от того, родственник он или нет. С помощью наследственного договора можно самостоятельно определить порядок перехода прав на имущество при соблюдении каких-либо условий или без них. Такой наследственный договор, вероятно, имеет приоритет над завещанием. Если наследодатель составил и завещание, и наследственный договор, то наследство будет распределяться согласно последнему.

Наследственный договор, в котором участвуют супруги, отменяет действие совершенного до заключения этого наследственного договора совместного завещания супругов. Договор считается заключенным после нотариального оформления, но вступает в силу после смерти наследодателя. Человек вступая в статус наследодателя, может не опасаться, что, поставив подпись, он тут же лишится прав на свое имущество, как бывает, к примеру, при договоре дарения. Наследственный договор по предусмотренной российским законодателем модели не ограничивает свободу наследодателя в отношении распоряжения своим имуществом.

Наследственный договор – это специальный способ выразить свою последнюю волю по поводу имущества после смерти. Завещание тоже является способом выразить последнюю волю умершего, но завещание является односторонней сделкой, о которой наследник может ничего и не знать. В некоторых случаях, получается так, что собственник завещал какую-то часть, например, квартиру одному родственнику, другую часть, скажем машину – другому, а третью часть (дачу) – кому-то еще. При этом захотел, чтобы в данной квартире всегда жила его бабушка, машину по

[8] Куликов В., Ямшанов Б. «О завещании думать никогда не рано»: Павел Крашенинников – о новых формах наследования // Российская газета. 2019. 31 мая. № 117 (7875).

первой просьбе бесплатно давали для перевозки бездомных животных, а овощи с огорода отдавали благотворительному фонду. Все это можно реализовать и в завещании, в виде наследственного отказа или возложения. Но родственники могут от завещания отказаться и тогда все имущество будет унаследовано по закону.

При этом наследование по закону не подразумевает под собой наследственный отказ или возложение. Предположим, при жизни наследодатель все завещал своему сыну, возложив на него обязанность поселить в квартире бездомную бабушку. Сын отказывается от завещания и все наследство переходит его матери, как законной жене умершего и наследнице первой очереди. А после смерти матери все ее имущество и плюс имущество отца унаследует сын, который ранее отказался от завещания с обременением. Итак, наследственный договор – это особый документ, который определяет отношения между завещателем и наследником, в котором обозначены определенные условия, которые должен выполнить наследник для получения наследства.[9] Наследником по договору может быть любое физическое лицо: близкий или дальний родственник, супруг, сосед, подруга. Это решает сам наследодатель.[10]

Однако, договор должен быть обязательно заверен нотариусом. В отличие от завещания его нельзя подписать просто при свидетелях в чрезвычайной ситуации или позвать для удостоверения главврача больницы. Без нотариального удостоверения, договор будет являться недействительным. Так же наследственный договор не может быть закрытым или открытым. Он всегда открыт. То есть обе стороны договора: и наследодатель, и наследник должны знать содержание документа. В наследственном договоре невозможно соблюдения тайны завещания. Документ должен быть подписан только лично, представительство здесь также невозможно. Чтобы заключить наследственный договор, необходимо заранее обсудить все условия с наследником и наследодателем. Как правило все эти условия разъясняет и оговаривает сам нотариус. При этом наследственный договор допускает множественность лиц со стороны наследника. Ввиду этого, договор может быть не только двусторонним, но и многосторонним. То есть несколько наследников будут указаны в данном договоре, где у каждого будут отдельные обязательство и отдельное имущество. Кроме того, допускается, чтобы наследодатель мог заключать несколько договоров с разными наследниками. И даже если все эти договоры, будут касаться одной и той же вещи. Все это означает, что один человек может заключить три соглашения о наследовании с тремя разными наследниками, и в каждом указать один и тот же объект. Три наследника будут исполнять свои обязательства по договорам, и каждый потом захочет получить имущество, как и было обещано целиком. Но другие два договора, ему будут в этом препятствовать.

Так как, в отличие от завещания, в наследственном договоре нет преимущественного права последнего по дате составления акта. Таким образом, в своем стремлении защитить права наследодателя при его жизни и после смерти, законодатель узаконил осуществление несколько видов мошенничеств, которые можно обнаружить только после смерти наследодателя. Можно ли в договоре как-то заранее предусмотреть все эти проблемные моменты, покажет практика его применения. Пока можно только констатировать, что наследственный договор сегодня имеет существенные недостатки, которые ставят наследников в крайне невыгодное и неравное положение. Ввиду этого, можно смело утверждать, что в наследственном договоре нарушается грубым образом один из основополагающих принципов гражданского права – принцип равенства сторон. Поэтому данная договорная конструкция еще очень далека до совершенства и требует коренных законодательных изменений.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2018. 25 июля. № 160.

2. Буров, А.Г. Наследственный договор – новшество наследственного права России // Политика, государство и право. – 2013. – № 7 (19). – С. 1.

[9] Буров, А.Г. Наследственный договор – новшество наследственного права России // Политика, государство и право. – 2013. – № 7 (19). – С. 1.

[10] Шергунова, Е.А. Наследники как участники страховых отношений // Материалы международной научно-практической конференции «Наследственное и семейное право: теория и правоприменительная практика». – Ставрополь: Ставропольское региональное отделение ассоциации юристов России, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Кавказский федеральный университет», нотариальная палата Ставропольского края, 2015. – С. 341-345.

3. Куликов В., Ямшанов Б. «О завещании думать никогда не рано»: Павел Крашенинников – о новых формах наследования // Российская газета. 2019. 31 мая. № 117 (7875).

4. Сидорова, В.Н., Бейн, А.К. Наследственный договор: юридикофактические проблемы // Нотариус. – 2015. – № 4. – С. 28-30.

5. Скопиченко, О.В. Наследственный договор в системе гражданско-правовых договоров // Молодий вчений. – 2015. – № 5-3 (20). – С. 78-82.

6. Цокур, Е.Ф. Современные проблемы взаимодействия социального и индивидуального начал правового регулирования наследования по закону и принятия наследства в Российской Федерации [Текст] / Е.Ф. Цокур // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 4. – С. 45-48.

7. Чумакова, О.Н. Способы закрепления гарантий при заключении сделок с использованием конструкции предварительного договора// Научные труды РАЮН. – 2016. – Вып. №18. – Т.2. – С.165-167.

8. Шергунова, Е.А. Наследники как участники страховых отношений // Материалы международной научно-практической конференции «Наследственное и семейное право: теория и правоприменительная практика». – Ставрополь: Ставропольское региональное отделение ассоциации юристов России, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Кавказский федеральный университет», нотариальная палата Ставропольского края, 2015. – С. 341-345.

Коваленко Александр Михайлович
Alexander Kovalenko Mikhailovich
Студент Российского государственного социального университета, юридический факультет.

УДК 347.51

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВТОРСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СУБЪЕКТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

FEATURES OF USING THE AUTHOR'S WORK ON THE INTERNET: THE SUBJECT OF RESPONSIBILITY

Аннотация: в статье рассматриваются определения субъекта ответственности при незаконном размещении объектом авторского права в интернет – сети, а так же основные понятия и ответственность сторон.

Abstract: the article Presents doctrinal approaches to determining the subject of responsibility for illegal placement of copyright objects on the Internet. As a result of the analysis of opinions on the solution of this issue: the responsibility of the provider and the responsibility of the site owner.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, Интернет, интеллектуальная собственность, защита гражданских прав.

Keywords: civil liability, Internet, intellectual property, civil rights protection.

Правовые проблемы, касаемые интеллектуальной собственности, на сегодняшний день затронули павовую сферу.

Согласно результатам саммита «Большой восьмерки» в 2011 г. странами-участниками этого международного клуба была подписана итоговая декларация, в которой проблемы права интеллектуальной собственности фигурировали перед вопросами ядерной безопасности, изменение климата и общими вопросами международного общества и развития[1]. Политизация права интеллектуальной собственности показывает, с одной стороны, обширную социализацию проблемы, а с другой - взаимосвязь между тем, что общество не до конца сориентировалось по данной проблеме, и сложностью формирования законодательства в этой сфере[2].

Эффективность защиты авторских прав в Российской Федерации считается на сегодняшний день одной из важных тем, обсуждаемых на государственном уровне, в том числе с участием субъектов, напрямую связанных с формированием и применением результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Большой информационный потенциал Интернета и весьма слабый надзор за движением данных в нем, возможность беспрепятственного и неоднократного использования информации без получения разрешения со стороны создателей и владельцев формируют благоприятные условия для использования Интернета в качестве средства совершения преступлений в сфере авторского права. В результате быстрота, а также простота распространения данных в сети Интернет привели к многочисленным нарушениям авторских прав, а ущерб с этого составляет 10-ки млн. евро[3].

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации[4], субъект имеет права на результы интеллектуальной собственности, так же в документе опрделенено понятие, возможные объекты и виды интеллектуальной собственности, нарушение прав авторов.

В случае, если лицо не является автором интеллектуальной собственности, то он не вправе распоряжаться объектом, за исключенем случаев, которые отражены в ГК РФ. Другими словами, если стороннее лицо воспользовалось средствами, результатами интеллектуальной собственности без согласия правообладателя, это подразумевает под собой органичительные меры, так как является

[1] Лидеры стран G8 по итогам саммита в Довиле приняли итоговую декларацию [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/politics/20110527/380614678.html (дата обращения: 01.05.2017).

[2] Богдановская И.Ю. Интеллектуальная собственность: между правом и политикой // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3, июль -сентябрь.

[3] Мирских И.Ю., Мингалева Ж.А. Правовое регулирование прав на результаты интеллектуальной деятельности в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3 (29).

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г., с изм. от 13.12.2016 г.)

противоправным.

Основными методами, которые защищают авторские права являются гражданско-правовые акты, к примеру согласно статьям 1252 и 1301 ГК РФ лица могут обратиться в правоохранительные органы с целью признания прав на объект, а также в отношении случаев, где нарушаются авторские права, о возмещении убытков, компенсации морального вреда и в других спорных моментах. Данные мероприятия нацеленные на восстановление неимущественных прав, а в редких случаях - и имущественных прав автора.

Существует большое количество методов, которые направлены на разрешение вопросов в связи с охраной авторских прав в сети интернет,их объединяют в 3 группы:

1) защита авторских и смежных прав в сети Интернет в целом нецелесообразна,

2) защита авторских и смежных прав в сети Интернет классическими правовыми методами неосуществима, по этой причине необходимо сформировать принципиально новейший законный механизм с целью решения проблемы,

3) защита авторских и смежных прав в сети Интернет классическими методами нужна и возможна путем внесения соответствующих изменений в действующем законодательстве[5].

В большистве практических случаев, авторы у которых были нарушены права на интелеектуальную собственность, обращаются в суд для их восстановления.

Но в теоретии существуют проблемы, которые касаются установленяи причастности субъектов к факту незаконного распростаранения, использования или распоряжения результтатов интеллектуальной деятельности, особеннос часто они встречаются в сети интернет.

По мнению Е.П. Иванова, а также А.Г. Серго, проблема, кто именно представляется субъектом, ответственным за использование произведения в сети Интернет, считается неоднозначным[6]. Ими могут быть пользователь, провайдер или владелец домена.

Итак, рассмотим данные понятия и их причастность в нарушении прав на субъекты интелектуальной деятельности.

Пользователь – лицо, которое использует сеть интернет для удовлетворения собственных потрбеностей, например, поиск музыки, фильма.

Провайдером является организация, которая предоставляет пользователям услуги по доступу в сеть интернета.

Под владельцем домена (либо владельцем веб-сайта) федеральный закон понимает субъект, самостоятельно и согласно своему усмотрению характеризующее порядок использования веб-сайта в сети Интернет, в том числе порядок размещения данных на этом веб-сайте[7].

При этом невозможно определить из вышеописанных определений, кто является субъектом ответственности.

Кроме актуальной и частовстречающейся проблемой является ответственность интернет-провайдеров и интернет -фирм, с точки зрения владельцев веб-сайтов. Данный спорный вопрос как связан с тем, что на веб-сайтах существует большое количество информации, которая является общедоступной и может передаваться от одного лица к другому, в том числе музыкальные и видеофайлы, кинофильмы, фотографии и картинки. При этом пользователей данных незаконно скачанной информации правообладателям найти практически невозможно, как следствие, все претензии предъявляются к интернет-компаниям. Поэтому авторы требуют соблюдения контроля над незаконным распространением информации и анализ содержимого сайтов. Однако, данные требования практически не осуществляются на практике.

В свою очередь, отвечая на данные требования, интернет-компании ссылаются на то, что они не инициируют передачу информации и никак не оказывают большое влияние на ее единство и, таким образом, никак не реализовывают нарушение авторских прав[8].

Данная задача может быть разрешена только со стороны полного контроля над информацией,

---

[5] Гришаев С.П. Интеллектуальная собственность. Специально для системы ГАРАНТ, 2009 [Электронный ресурс]. (дата обращения: 23.05.2019).

[6] Иванова Е.П., Серго А.Г. Борьба с пиратством в сети Интернет // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3.

[7] Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ № 149-ФЗ (ред. от 19.12.2016 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

[8] Карлова-Игнатьева Е. А. Проблематика и судебная практика привлечения к ответственности за нарушение авторских прав // Имущественные отношения в РФ. 2018. № 7

которая размещается на интернет-ресурсах, что в первую очередь устранит нарушения авторских прав, но на сегодняшний день в судебной практике разрешение данной ситуации не сформировалось.

Вследствие данного анализа я могу сделать следующие выводы.

С целью распространения информации и данных, которые являются интеллектуальной собственностью, пользователи должны получить разрешения правообладателя.

Наиболее актуальным примером является предоставление размещение в сети интернет авторской информации. Однако нет точного ответа, кто ответственен за факт использования информации из сети интернет - абонент, провайдер, пользователи. В судебной практике довольно часто встречаются примеры, когда не удается установить причастность лица к незаконному распространению информации, а как следствие, и выдвинутого справедливого решения.

Судом опрделяются критерии, которых необходимо придерживаться при разрешении подобных ситуаций – факт обращения правовобладателя к провайдерам с целью прекращения незаконного распространения информации; реалигирование провайдера на притенции и пресикательство данных утечек.

Российский практика больше акцент делает на международные стандарты и перебирает практику зарубежных судов, то есть в данном вопросе в Российской Федерации основываются на правилах «безопасной гавани» - высвободжение интернет компаний и провайдером от ответственности, в частности, от контроля над пользователями. Данные требования обоснованы тем, что полностью невозможно контролировать пользователей. Следующим критерием является самостоятельный контроль над размещаемой информацией пользователей на ресурсах сети интернета. В вслучае, если данная информация нарушения авторнские права, то необходимо ее удалять.

Судом определяется и статус субъекта, тоесть кем он является- собственником домена или провайдером.

Итак, отметим, что в вышерассмотренных примерах, отстутсвует ответственность пользователей за незаконное распространение авторской информации – пользователей интенет ресурсов практически невозможно привлечь к ответственности, так как они не могут быть определены правообладателями. Авторы интеллектуальной собственности в первую очередь прдхъявляют притензии к интернет –компаниям.

Однако, согласно практике можно отметить, что ни пользователи, ни провайдеры, ни интернет-компании не являются ответственными за распространение информации, что означвает, что санкции к ним не применимы.

Их деятельность не отражает факты нарушения авторских прав на результаты интеллектуальной собственности третьх лиц. Дела, с их участием, в большинству случаев проигрываются, так как не доказывается незаконные действия.

Однако, по законодательству Российской Федерации интернет-провайдеры и компании должны контролировать и анализировать информацию, которую распологают в сети интернет с целью недопущения нарушения авторских прав.

В противном случае их действия признаются незаконными и повлекут за собой ответственность.

Библиографический список:

1. Лидеры стран G8 по итогам саммита в Довиле приняли итоговую декларацию [Электронный ресурс]. (дата обращения: 01.05.2019).

2. Богдановская И.Ю. Интеллектуальная собственность: между правом и политикой // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3, июль -сентябрь.

3. Мирских И.Ю., Мингалева Ж.А. Правовое регулирование прав на результаты интеллектуальной деятельности в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3 (29).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г., с изм. от 13.12.2016 г.)

5. Гришаев С.П. Интеллектуальная собственность. Специально для системы ГАРАНТ, 2009 [Электронный ресурс]. (дата обращения: 23.05.2019).

6. Иванова Е.П., Серго А.Г. Борьба с пиратством в сети Интернет // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3.

7. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ № 149-ФЗ (ред. от 19.12.2016 г.) «Об

информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

8. Карлова-Игнатьева Е. А. Проблематика и судебная практика привлечения к ответственности за нарушение авторских прав // Имущественные отношения в РФ. 2018. № 7.

Жарикова Мария Дмитриевна
Zharikova Maria Dmitrievna
магистрант, Дальневосточный государственный университет путей сообщения

УДК 343.711

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАЖ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THEFT COMMITTED BY RAILWAY TRANSPORT

Аннотация. В статье рассматриваются особенности краж, совершаемых на железнодорожном транспорте

Abstract. The article discusses the features of thefts committed on the railway transport

Ключевые слова: раскрытие и расследование преступлений, кражи, железнодорожный транспорт, динамика преступности.

Key words: crime detection and investigation, theft, railway transport, crime dynamics.

Железнодорожный транспорт является специфичной отраслью экономики страны, имеет характерные особенности, что должно обусловливать специфику преступности на данном виде транспорта.

В условиях обострения социальной напряжённости, разбалансированности экономики, возникновения различных форм собственности и перехода к рыночным отношениям преступность в сфере грузовых перевозок на железнодорожном транспорте постепенно объективно превратилась в разновидность доходного «предпринимательства», действующего в межреспубликанском (межрегиональном и международном) масштабе.

Кражи, как известно, являются самыми распространёнными преступлениями против собственности. Так, в общей структуре российской преступности их доля превышает 50%, причём эта тенденция - одна из самых устойчивых, о чем свидетельствует её сохранение на протяжении десятилетий. Более узкую, но вместе с тем чрезвычайно актуальную проблему представляют кражи личного имущества, совершаемые на объектах железнодорожного транспорта. Большая распространённость данных преступлений, их заметный рост негативно влияют на уровень криминологической безопасности пассажиров, обостряют боязнь населения за своё имущество.[1]

Следует признать, что система мер предупреждения и раскрытия подобного вида краж является недостаточно эффективной. Учитывая, что Россия относится к странам с развитой системой объектов железнодорожного транспорта, можно сказать, что преступность, распространённая здесь, существенно влияет на дестабилизацию обстановки в стране в целом.

Кражи у граждан являются одними из самых распространённых и латентных преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта.

В основе подавляющего большинства краж личного имущества на железнодорожном транспорте лежит виктимогенная ситуация неосмотрительности. Её содержание определяется временем совершения преступлений (49% краж совершается в период с 0.00 до 07.00), днями недели (уровень хищений повышается в пятницу и выходные дни) и даже временем года (41% преступлений совершается в летние месяцы). Предметами хищений чаще других становятся легкодоступные для кражи вещи: средства связи, деньги, продукты питания. Наиболее привлекательными для совершения преступлений местами являются вокзалы, а в поездах и электропоездах - тамбуры, купе поездов дальнего следования.

Преступность на транспорте, как в целом по стране, приобрела организованный характер. Как показывает анализ статистических данных и материалов уголовных дел, основными видами организованной преступной деятельности на железнодорожном транспорте являются хищения грузов, незаконный оборот наркотиков и их контрабанда, а также контроль над проституцией на крупных вокзалах, расположенных на вокзалах гостиницах и в пассажирских поездах.

Преступность на железнодорожном транспорте представляет собой достаточно массовое,

[1] Старцев В.Г. О профилактике краж на объектах железнодорожного транспорта // Наука и практика. - 2012. - С. 107-109.

негативное, исторически изменчивое социальное явление уголовно-правового характера, имеющее характерные особенности, определяемые спецификой железнодорожного транспорта, складывающееся из совокупности всех преступлений, совершенных на его объектах за определённый промежуток времени. Особенности преступности на данном виде транспорта проявляются, прежде всего, в её структуре, а именно: в наличии преступлений, характерных лишь для данного вида транспорта; преобладании преступлений против собственности; преступлений, а также в её высоком уровне латентности.[2]

Можно выделить две группы преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, и определить их криминологические особенности:

- преступления, характерные для железнодорожного транспорта (обусловленные его спецификой): - железнодорожно-транспортные преступления (ст. 211, 263, 266-268 УК РФ); - хищения грузов из подвижного состава;

- преступления, не обусловленные спецификой железнодорожного транспорта (против собственности, личности, против экономической деятельности, общественной безопасности и др.).

Ежемесячно проводиться комплексный анализ криминогенной ситуации в поездах дальнего следования, с целью ее прогнозирования и принятия управленческих решений для ее стабилизации. Данный пункт плана находится на постоянном контроле.

ежемесячно подводятся итоги выполнения планов работы ОУР, рассматриваются вопросы организации исполнения нормативно правовых актов МВД РФ, решений вышестоящих и надзирающих правоохранительных органов, собственных управленческих решений, с целью обеспечения фактической реализации принятых решений. Данный пункт плана находится на постоянном контроле.

Итак, криминогенная ситуация, сложившиеся в последнее время на объектах железнодорожного транспорта, является сложной. Однако наблюдается снижение общего числа зарегистрированных преступлений. Кражи личного имущества граждан, совершаемые на железнодорожном транспорте, регистрируются далеко не всегда. Это может быть обусловлено тем, что зачастую потерпевшие обнаруживают пропажу своих вещей и денег спустя длительное время после совершения преступления. Не желая опаздывать на поезд, делать остановку или сходить с поезда, граждане не обращаются в правоохранительные органы по поводу совершенных в отношении них преступлений.

Подводя итоги можно сделать вывод что, преступность на железнодорожном транспорте представляет собой достаточно массовое, негативное, исторически изменчивое социальное явление уголовно-правового характера, имеющее характерные особенности, определяемые спецификой железнодорожного транспорта, складывающееся из совокупности всех преступлений, совершенных на его объектах за определённый промежуток времени. Особенности преступности на данном виде транспорта проявляются, прежде всего, в её структуре, а именно: в наличии преступлений, характерных лишь для данного вида транспорта; преобладании преступлений против собственности; преступлений, а также в её высоком уровне латентности.

Исходя из вышеизложенного, в целях предупреждения корыстных преступлений против собственности пассажиров специальным субъектам наряду с проводимыми целесообразно осуществлять следующие мероприятия:

1. Производить обработку совместной группой сотрудников ППС и оперативников суточного наряда пассажирских поездов по прибытию на железнодорожную станцию с целью выявления совершенных правонарушений и преступлений не только путем опроса начальника поезда, но и путем опроса проводников и пассажиров.

2. На территории обслуживания организовать сопровождение нарядом ППС пассажирских поездов, в которых существует повышенная вероятность совершения корыстных преступлений против собственности пассажиров, с целью проведения профилактических мероприятий по недопущению данных деяний.

3. Организовать выборочное сопровождение пассажирских поездов оперативно-поисковыми группами в составе сотрудников криминальной полиции и полиции общественной безопасности с целью выявления лиц, совершающих в пути следования преступления, а также выявления безбилетных пассажиров.

[2] Кузнецов А.А., Курбатов М.И. Расследование краж из подвижного состава железнодорожного транспорта: моногр. - Омск: Омск. акад. МВД России, 2017. – С. 171

4. Усовершенствовать взаимодействие между различными подразделениями УТ МВД России по ДФО в сфере раскрытия и расследования преступлений против собственности, а также производство обмена информацией о предполагаемом местонахождении преступников, совершающих корыстных преступлений против собственности пассажиров.

5. Организовать проведение инструктажей перед выездом в резервах проводников, базирующихся на территории ДФО, в ходе которых зачитывать сводки и представления о совершенных в поездах корыстных преступлений против собственности пассажиров, о выявленных фактах провоза безбилетных пассажиров, акцентировав внимание на путях и способах недопущения данных противоправных деяний.

6. Обеспечить поездные бригады каждого пассажирского поезда для периодического вещания в радиоэфире носителями (кассеты, диски) с информацией о правилах поведения в ходе поездки в пассажирском поезде, акцентировав внимание на виктимологической профилактике корыстных преступлений: не оставлять вещи без присмотра в вагоне, не доверять незнакомым или малознакомым лицам, обращать внимание на поведение пассажиров с других вагонов, не играть в азартные игры со случайными попутчиками, не употреблять с ними спиртные напитки.

Библиографический список:

1. Апарин С.М., Носов А.В., Корнелюк В.С. и др. Специфика расследования преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте: учеб. пособие. - Волгоград: ВА МВД России, 2015. - 112 с.

2. Крашенинников С.В., Карпенко В.М. К вопросу об обстоятельствах, подлежащих установлению по делам о хищении грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта // Вестн. криминалистики. - 2014. - Вып. 1 (49). - С. 23-27.

3. Кузнецов А.А., Курбатов М.И. Расследование краж из подвижного состава железнодорожного транспорта: моногр. - Омск: Омск. акад. МВД России, 2017. - 227 с.

4. Мартынова С.И., Мартынов И.В. Актуальные проблемы расследования хищений грузов на железнодорожном транспорте // Правоохр. органы: теория и практика. - 2015. - № 2. - С. 34-43.

5. Нудельштейн А.М. Первоначальный этап расследования хищений имущества пассажиров на железнодорожном транспорте // Рос. следователь. - 2016. - № 1. - С. 4-6.

6. Нудельштейн А.М., Цоколова О.И. Расследование хищений имущества пассажиров на железнодорожном транспорте: учеб.-практ. пособие. - М.: ФГУ «ВНИИ МВД России», 2011. - 116 с.

9. Старцев В.Г. О профилактике краж на объектах железнодорожного транспорта // Наука и практика. - 2012. - С. 107-109.

Амнякова Анна Валерьевна
Amnyakova Anna Valerievna
студент Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

Ткачук Татьяна Алексеевна
Tkachuk Tatiana Alekseevna
Научный руководитель, профессор кафедры «Уголовно-правовых дисциплин», доктор юридических наук, профессор.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ

SOME ASPECTS OF LEGAL CONVERGENCE IN FORENSIC DOCUMENT RESEARCH

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты юридической конвергенции в криминалистическом исследовании документов. Юридическая конвергенция преследует различные цели, одной из них является «ликвидации пробелов» в праве. Данный механизм проявляется на различных научных сферах, например, в рамках криминалистического исследования документов. В частности, на стадии предварительного расследования возникают проблемы при назначении судебно-криминалистических экспертиз, в т.ч. экспертиз по документам. Для решения проблемы и с целью защиты конституционных прав участников процесса автором предлагается внести изменения в ст. 195 УПК РФ.

Abstract: The article examines some aspects of legal convergence in the forensic research of documents. Legal convergence has different goals, one of which is to “fill the gap” in law. This mechanism manifests itself in various scientific fields, for example, in the framework of forensic research of documents. In particular, at the stage of preliminary investigation, problems arise in the appointment of forensic examinations, incl. examinations of documents. To solve the problem and to protect the constitutional rights of the participants in the process, the author proposes to amend Art. 195 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Ключевые слова: конвергенция, криминалистическое исследование, экспертиза, документ.

Keywords: convergence, forensic research, expertise, document.

Термин «конвергенция» происходит от латинского «convergo» -сближаться, сходиться. Конвергенция достаточно многоплановое понятие и в каждой научной сфере имеет свое значение.

В юриспруденции под конвергенцией обычно понимается процесс сближения в праве, отражает как взаимодействие отдельных элементов национальной правовой системы, так и взаимодействие между отдельными правовыми системами в форме повышения степени связанности и согласованности правового регулирования общественных отношений[1].

Как видно, юридическая конвергенция может функционировать на различных уровнях:

-на международном уровне (например, юридическая конвергенция между правовыми семьями, законодательством отдельных стран);

- внутри отдельной страны (например, юридическая конвергенция между отраслями права).

Разновидностью внешней юридической конвергенции является «ликвидация пробелов» в праве одной страны путем «заимствования необходимых правовых элементов» в праве другой страны.

В качестве примера можно проанализировать процесс криминалистического исследования документов, под которым понимается совокупность специальных технических способов и приемов с целью установить закономерности возникновения и движения информации в целом о документе или о его элементах (реквизитах).

Криминалистическое исследование документов направлено на изучение следующих вопросов:

[1] Третьякова О. Д. Понятие правовой конвергенции / / «Черные дыры» в российского законодательстве.- 2008. -№ 3.- С. 39.

-установление наличия и способа подделки документов;

-восстановление нечитаемых записей, разорванных и сожженных документов;

-исследование материалов документов; исследование машинописных текстов;

-установление первоначального содержания документа;

-исследование пишущих приборов и технических средств, используемых при выполнении текстов документов; выяснение особенностей происхождения документа;

- установление места изготовления документа и т.д.

Стоит отметить, что методология криминалистического исследования документов постоянно трансформируется. Например, в настоящее время на практике вводятся современные методы установления времени изготовления документа ,взятые из-за рубежа:

а) определение давности выполнения реквизитов в документах по относительному содержанию в штрихах летучих растворителей;

б) изучение спектральных характеристик документа для определения времени происхождения документов;

в) время изготовления документа определяется на основании сходства в интенсивности окрашенности откопированных штрихов исследуемого документа и экспериментальных образцов.

В настоящее время в основе криминалистического исследования документов лежит криминалистическая экспертиза документов, назначаемая для установления фактических обстоятельств, связанных с исполнением документов, отождествлением материалов документов и средств их изготовления на основе специальных знаний, базирующихся на положениях криминалистической техники, синтезирующей знания и методы физики, химии, технических и технологических наук.

Однако на практике при назначении экспертиз возникают проблем. На практике защитника и его клиента знакомят с постановлением о проведении экспертизы уже после того, как сама экспертизу проведена, лишая их права на постановку дополнительных вопросов, отвода эксперта, предложения иного экспертного учреждения и т.д. При такой ситуации не нарушаются ни права стороны защиты (например, обвиняемого), ни стороны обвинения (например, потерпевшего). Поэтому, для решения данной проблемы и с целью защиты конституционных прав участников процесса видится целесообразным в ст. 195 УПК РФ внести положение: «Следователь (дознаватель) знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные статьей 198 настоящего Кодекса. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением. После чего следователь, направляет руководителю соответствующего экспертного учреждения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, необходимые для ее производства. При нарушении данного порядка экспертное заключение будет считаться недопустимы доказательством».

Таким образом, в настоящее время большие проблемы возникают в уголовном процессе на стадии предварительного расследования, в т.ч. по вопросам назначении судебно-криминалистических экспертиз документов. В частности, в ст. 195 УПК РФ нужно внести дополнение: «Следователь (дознаватель) знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные статьей 198 настоящего Кодекса. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением. После чего следователь, направляет руководителю соответствующего экспертного учреждения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, необходимые для ее производства. При нарушении данного порядка экспертное заключение будет считаться недопустимы доказательством».

Библиографический список:

1.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ // Российская газета.- № 249.-2001.

2.Третьякова О. Д. Понятие правовой конвергенции / / «Черные дыры» в российского законодательстве.- 2008. -№ 3.- С. 39.

Амнякова Анна Валерьевна
Amnyakova Anna Valerievna
студент Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

Ткачук Татьяна Алексеевна
Tkachuk Tatiana Alekseevna
Научный руководитель, профессор кафедры «Уголовно-правовых дисциплин», доктор юридических наук, профессор.

УДК 343

ЭКСТРЕМИЗМ: ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И БОРЬБЫ

EXTREMISM: THE ISSUES OF RESPONSIBILITY AND STRUGGLE

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы борьбы с экстремизмом. Наряду с традиционными уголовно-правовыми и административно-правовыми мерами ответственности предлагается усовершенствовать гражданско-правовые меры. Также высказывается идеи по наделению Росгвардии полномочиями единого координационного органа по борьбе с данным негативным явлением.

Abstract: The article examines the issues of combating extremism. Along with the traditional criminal and administrative legal measures of responsibility, it is proposed to improve civil law measures. Ideas are also being expressed to empower the Russian Guard with the powers of a single coordinating body to combat this negative phenomenon.

Ключевые слова: экстремизм, ответственность, компенсация, Росгвардия, координация.
Keywords: extremism, responsibility, compensation, Rosgvardia, coordination.

Одним из основных источников угроз общественной безопасности является экстремистская деятельность различных религиозных и этнических группировок. В силу специального Закона № 114-ФЗ[1] под экстремизм попадают такие виды деятельности как:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- возбуждение национальной, социальной, религиозной, расовой и иной розни;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской либо экстремистской атрибутики или символики;
-финансирование экстремизма и т.д.

За осуществление экстремистской деятельности лица несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность. Рассмотрим более подробно.

В УК РФ[2] можно выделить сразу 6 составов преступлений, предусматривающие ответственность за данные деяния:

- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280);
- публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1);
- возбуждение ненависти либо вражды (ст. 282);
- создание экстремистского сообщества (ст. 282.1);
- организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2);
- финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3).

КоАП РФ[3] содержит в отличии от Уголовного Закона не так много составов,

[1] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. -2002.- № 30.- Ст. 3031.
[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ // Российская газета. -№ 113.-1996.
[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ//Российская газета.- № 256.-2001.

предусматривающих наступление административных наказаний за осуществление экстремистской деятельности, в частности к таким составам относятся:

- пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской или экстремистской атрибутики или символики (ст.20.3);

-производство и распространение экстремистских материалов (ст. 20.29).

Если с уголовной и административной ответственностью все так или иначе понятно (есть состав противоправного деяния - будет назначено соответствующее наказание), то с вопросами гражданско-правовой ответственности возникают трудности. К таким мерам, например, можно отнести следующие:

- юридические лица, деятельность которых связана с экстремизмом, могут быть принудительно ликвидированы, а их деятельность запрещена на территории РФ;

- деятельность СМИ в случае распространения ими экстремистских материалов может быть прекращена.

Другим важным видом гражданско-правовой ответственности является компенсация морального вреда. Моральный вред был и остается одним из наиболее дискуссионных институтов отечественной юриспруденции, основные споры возникают относительно понятия, содержания, оснований и условий возникновения, определения его точного размера. В настоящее время моральный вред – это страдания, причиненные лицу противоправным деянием третьих лиц, нарушивших его имущественные или личные права. При этом, указанные страдания могут нарушать и имущественные права гражданин (однако, компенсации подлежат только те случае, которые прямо оговорены законом).

Обращаться с иском о компенсации морального вреда можно в различных случаях. Однако, сейчас вопрос использования данного института в рассматриваемой сфере практически не трогается. Хотя и является очень актуальным.

Как отмечали выше, одной из форм экстремизма является публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность. При этом, в настоящее время высказываются мнения о включении в действующее законодательства специального механизма о «компенсации морального вреда, причиненного вследствие совершения террористического акта».

Как правило, на практике совсем не работает механизм компенсации морального, взыскиваемого с террористов, так как при совершении террористических актов они умирают. Поэтому, чаще всего у пострадавших нет возможности получить адекватную компенсацию морального вреда в результате совершения террористического акта.

Следовательно, высказываются идеи[4] о возложении на государство дополнительной обязанности по компенсации морального вреда в случае совершения теракта в связи с тем, что не была обеспечена безопасность граждан и охраны правопорядка государственными органами.

Как следствие, в стране необходимо создать специальное учреждение - государственный некоммерческий фонд защиты пострадавших от терроризма, который будет заниматься компенсацией морального вреда жертвам, пострадавшим от террористических актов, и который будет действовать в полном соответствии с положениями о противодействии террористической преступности в международном и европейском законодательстве, и обязательного увеличения эффективности процедуры по данному вопросу.

Следующим перспективным вопросом является идея по наделению Росгвардии полномочиями единого координационного органа по борьбе с данным негативным явлением.

Сейчас в силу прямого действия Закона № 226-ФЗ[5] одной из ключевых задач Росгвардии участие в борьбе с экстремизмом. Однако данную задачу выполняет не только войска национальной гвардией, но и иные правоохранительные органы(например, МВД России, ФСБ России, ФСИН России, СК России и т.д.). Поэтому важным является вопрос координации деятельности по борьбе с экстремизмом. В настоящее время «координатор» борьбы данными правонарушениями не определен. Поэтому в условиях активного функционирования в России организованной преступности необходимо координацию возложить именно на национальную гвардию. Считаем, что Росгвардия будет наиболее эффективно осуществлять координацию борьбы с экстремизмом. В этой связи Росгвардии должно быть предоставлено право осуществлять

[4] Копик М. И. Компенсация морального вреда жертвам терроризма: дис. канд. юрид. наук. - Саратов, 2014. -162 с.

[5] Федеральный закон от 03.07.2016 № 226 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.- 2016. -№ 27 (Часть I). -Ст. 4159.

координационные полномочия в этой сфере.

Таким образом, в настоящее время за осуществление экстремистской деятельности лица несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность. При этом, если с уголовной и административной ответственностью все так или иначе понятно (есть состав противоправного деяния - будет назначено соответствующее наказание), то с вопросами гражданско-правовой ответственности возникают трудности, требующих совершенствования законодательства (например, усовершенствование механизма применения компенсации морального вреда в этой сфере). Также необходимо наделить Росгвардию более широкие полномочия по координации деятельности по борьбе с экстремизмом.

Библиографический список:

1.Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ // Российская газета. - № 113.-1996.

2.Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ//Российская газета.- № 256.-2001.

3.Федеральный закон от 03.07.2016 № 226 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.- 2016. -№ 27 (Часть I). -Ст. 4159.

4.Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. -2002.- № 30.- Ст. 3031.

5.Копик М. И. Компенсация морального вреда жертвам терроризма: дис. канд. юрид. наук. - Саратов, 2014. -162 с.

Раков Илья Игоревич
Rakov Ilya Igorevich
Студент Института магистратуры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

УДК 343.163

ИЗМЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

CHANGE BY THE PUBLIC PROSECUTOR IN COURT OF FIRST INSTANCE

Аннотация: в работе рассмотрены основные проблемы и особенности, возникающие при изменении государственным обвинителем обвинения в суде первой инстанции

Abstract: the paper discusses the main problems and features that arise when the public prosecutor changes the charge in court of first instance

Ключевые слова: прокурор, изменение обвинения, предъявление обвинения

Keywords: prosecutor, change of charge, indictment

Прокурор в судебном следствии выступает не только в качестве стороны обвинения, исполняющей обвинительную функцию, но и в качестве надзорного органа за исполнением принципа законности, что проявляется в его обязанности сохранять беспристрастность при в процессе представления и исследования доказательств по делу, принимать необходимые меры к всестороннему судебному следствию и определению всех обстоятельств уголовного дела. От активности прокурора находится в зависимости не только ход судебного следствия, но и сохранение состязательности. Пассивность прокурора ведет не только к тому, что виновное лицо избежит уголовной ответственности, но и провоцированием активности суда.

Право на распоряжение предъявляемым обвинением определяет главную составляющую полномочий прокурора как стороны в уголовном деле, выражающей обвинение и поддерживающей его в судебном заседании.

На сегодняшний день существует обширная практика отмены и изменения судебного решения вследствие ошибки в квалификации преступления[1]. Происходит это из-за неточности или недостаточности той или иной нормы УК РФ, а также ненадлежащей подготовки государственных обвинителей или применения квалификации преступления с «завышением». В связи с этим в законодательстве предусматривается право государственного обвинителя на изменения обвинения в сторону смягчения.

Изменение обвинения может быть произведено несколькими способами:

Во-первых, государственный обвинитель может исключить из юридической квалификации деяния признаки преступления, отягчающие наказание. Во- государственный обвинитель вправе исключить из обвинения ссылки на какую-либо норму УК РФ, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой УК РФ, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте.

В-третьих, возможна переквалификация деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание. Такие изменения допускаются, если этим не будет ухудшаться положение подсудимого и нарушится его право на защиту.

Генеральная прокуратура РФ в Приказе № 465 обращает внимание на то, что государственному обвинителю, изменяющему обвинение на менее тяжкое, но существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от предъявленного, следует ходатайствовать о перерыве в судебном заседании для предоставления стороне защиты возможности подготовиться к новому обвинению[2].

[1] Обзор статистических данных о рассмотрении в верховном суде российской федерации в первом полугодии 2020 ГОДА уголовных дел // СПС «Консультант»

[2] Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25.12.2012 №465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 12.10.2020)

Но, к сожалению, ни одно из вышеприведенных положений не предусматривает критерии, которые позволили бы определить, в каких случаях положение обвиняемого ухудшится и что понимать под нарушением права подсудимого на защиту. С учетом этого, представляется необходимым закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве критерии сравнительной тяжести обвинений и существенного изменения фактических обстоятельств.

Как изменение обвинения на более тяжкое, по нашему мнению, необходимо понимать случаи, когда измененное обвинение по сравнению с ранее предъявленным может повлечь за со ой для подсудимого более строгое уголовное наказание либо иные неблагоприятные уголовно правовые, а наряду с ними и уголовно-процессуальные последствия. Существенное изменение обвинения будет в том случае, если оно вызвано обнаружением в судебном заседании новых фактических обстоятельств, которые не подпадают под признаки состава преступления, вменяемого в вину подсудимому на стадии предварительного расследования,

Содержание предъявленного подсудимому обвинения, а подсудимый при изменении обвинения с учетом указанных обстоятельств в ходе дальнейшего производства сможет воспользоваться всеми предусмотренными уголовно-процессуальным законом средствами для защиты от обвинения, которые он мог иметь, если бы измененное обвинение было ему предъявлено в установленном порядке в досудебном производстве.

На сегодняшний день существует обширная практика по вопросам изменения прокурором обвинения. Так, в ходе рассмотрения дела Туапсинским районным судом Краснодарского края государственный обвинитель, исключив из юридической квалификации деяния указание на совершение хищения с незаконным проникновением в жилище переквалифицировал действия подсудимого с п. «а» ч.3 ст. 158 на п. «в» ч.2 ст 158 УК РФ[3]. В ходе судебного заседания в Высокогорском районном суде (Республика Татарстан) прокурор исключил из формулировки обвинения указание о совершении подсудимым административного правонарушения против порядка управления, а также квалифицировал его действия по ч.2 ст.314.1 УК РФ[4]. Государственный обвинитель устранил из объема предъявленного подсудимому обвинения приобретение боеприпасов и квалифицировал действия подсудимого по ч.1 ст.222 УК РФ. (Автозаводский районный суд г. Тольятти Самарской области)[5].

На основании всего вышесказанного можно прийти к выводу о том, что изменение прокурором обвинения в суде первой инстанции играет важную роль в назначении справедливого наказания лицу, виновному в совершении преступления. В то же время выявленные в настоящей статье недостатки правового регулирования данного института должны быть исправлены.

Библиографический список:

1. Обзор статистических данных о рассмотрении в верховном суде российской федерации в первом полугодии 2020 ГОДА уголовных дел // СПС «Консультант»
2. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25.12.2012 №465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 12.10.2020)
3. Архив Туапсинского районного суда Краснодарского края. Приговор Туапсинского районного суда Краснодарского края суда от 3 марта 2018 г. по уголовному делу № 1—22/2018. (Дата обращения: 11.11.2020)
4. Приговор Высогорского районного суда Республики Татарстан по уголовному делу № 2—26/2018. (Дата обращения: 16.11.2020)// СПС «Консультант»
5. Приговор Автозаводского районного о суда Самарской области от 15 марта 2019 г. по уголовному делу № 1—76/2019. (Дата обращения: 11.11.2020)// СПС «Консультант»

[3] Архив Туапсинского районного суда Краснодарского края. Приговор Туапсинского районного суда Краснодарского края суда от 3 марта 2018 г. по уголовному делу № 1—22/2018. (Дата обращения: 11.11.2020)

[4] Приговор Высогорского районного суда Республики Татарстан по уголовному делу № 2—26/2018. (Дата обращения: 16.11.2020)// СПС «Консультант»

[5] Приговор Автозаводского районного о суда Самарской области от 15 марта 2019 г. по уголовному делу № 1—76/2019. (Дата обращения: 11.11.2020)// СПС «Консультант»

Соколова Анна Александровна
Sokolova Anna Alexandrovna
Магистрант Челябинского государственного университета, факультет заочного и дистанционного обучения

Фабрика Тамара Александровна
Fabrika Tamara Aleksandrovna
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Челябинского государственного университета

УДК 343.92

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, СОВЕРШИВШЕГО УГОЛОВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC OF THE PERSONALITY OF A MINOR WHO COMMITTED A CRIMINAL OFFENSE (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Аннотация: в работе проводится исследование личности несовершеннолетнего преступника.
Abstract: examination of the identity of a juvenile offender in progress.
Ключевые слова: криминологическая характеристика, личность, несовершеннолетний, преступность.
Keywords: criminological characteristics, personality, minor, criminality.

Сегодня одной из глобальных проблем общества является преступность несовершеннолетних, так как между преступностью несовершеннолетних и «взрослой» преступностью наблюдается связь состояний. По данным исследований 50-60% рецидивистов начинают преступную деятельность в несовершеннолетнем возрасте. Статистические данные свидетельствуют о достаточно большом количестве преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. По состоянию на 2019 год в Российской Федерации выявлено 37953 несовершеннолетних лиц совершивших преступления, наибольшее число несовершеннолетних преступников приходится на следующие регионы: Свердловская область – 1955 чел., Челябинская область – 1651, Кемеровская область – 1394, Иркутская область – 1280, Пермский край – 1083 [5].

Особый интерес вызывает круг преступлений совершаемых несовершеннолетними, которые заметно отличаются от преступлений совершаемых совершеннолетними лицами. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ежегодно в России несовершеннолетними правонарушителями или при их участии совершается более 40 тысяч преступлений из них: против собственности - 83%, против жизни и здоровья - 8 %, с незаконный оборот наркотиков - более 4%[5].

Наибольшее число особо тяжких преступлений совершенных несовершеннолетними приходится на Челябинскую область и Республику Башкортостан, тяжких преступлений – Свердловская область, преступлений небольшой и средней тяжести – Свердловская область, Челябинская область [5].

Так в Республике Башкортостан по итогам 2019 г. зарегистрировано 1064 преступления, что на 93 факта больше, чем в 2018 г. (971 преступление), однако меньше, чем в 2016 году (1273 факта), и чем в 2015 году (1195 фактов) [5].

Несмотря на официальную статистику, стоит учитывать, что в преступности несовершеннолетних наблюдается высокий уровень латентности, большинство преступлений совершается подростками по отношению друг к другу. Личность несовершеннолетнего преступника значительно отличается от личности преступника «взрослого» его психологической и эмоциональной незрелостью. Процесс формирования криминогенных черт личности несовершеннолетнего зависит от многих факторов. На первое место ученые криминологи ставят влияние института семьи, так как формирование личности несовершеннолетнего начинается именно в ней [1, 68].

Проанализировав данные Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Республики Башкортостан, Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Администрации Орджоникидзевского района г. Уфы можно прийти к выводу, что большая часть несовершеннолетних правонарушителей воспитывается в неполных семьях или в неблагополучных семьях, где один из родителей или оба родителя имеют алкогольную или наркотическую зависимость. Зачастую в подобных семьях воспитанием детей родители не занимаются.

Помимо семьи отрицательное воздействие оказывает на подростка его компания, его друзья, т.е. ближнее окружение. Как показывают материалы судебной практики, большинство подростковых преступлений совершается в соучастии.

Говоря о преступности несовершеннолетних, необходимо обратить особое внимание и на то, что многие несовершеннолетние правонарушители совершают преступления будучи втянутыми «взрослыми» преступниками. По данным Ю.Е. Пудовочкина, около 70% несовершеннолетних правонарушителей были вовлечены в совершение преступлений взрослыми лицами [4,69].

Еще одним отрицательным фактором способствующим развитию подростковой преступности являются безнадзорность и беспризорность. По данным единой межведомственной информационно-статистической системы по сравнению с 2016-2018 гг. на 2019 г. в России наблюдается рост безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних. Так в Республике Башкортостан в 2018 г. органами системы профилактики проводилась профилактическая работа с 434 безнадзорными и беспризорными несовершеннолетними [3].

Стоит обратить особое внимание на профилактическую работу, проводимую в образовательных учреждениях с подростками группы риска. Зачастую профилактическая работа начинается с подростком уже после того, как он совершит правонарушение. На примере общеобразовательных школ г. Уфы Республики Башкортостан можно проследить индивидуальную работу, проводимую с несовершеннолетними, совершившими противоправное деяние. Несовершеннолетний, совершивший правонарушение, ставится на профилактический учет в Подразделение по делам несовершеннолетних органов внутренних дел и в Комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, приказом Совета профилактики образовательного учреждения автоматически ставится на внутришкольный учет, где с ним сотрудниками образовательного учреждения проводится индивидуальная профилактическая работа.

Формированию и развитию криминогенной мотивации личности несовершеннолетнего является недостаточно высокий уровень организации общественного досуга. Большинство подростков предпочитают досуг «уличный». Стоит отметить и то, что большое количество кружков и секций в настоящее время коммерциализированы, бесплатными остаются некоторые кружки и секции функционирующие в образовательных учреждениях и подростковые клубы. По данным на 2018 г. в Республике Башкортостан действует 198 Подростковых клубов, в которых занимается 30892 ребенка, среди которых 430 несовершеннолетних состоящих на учете в подразделении по делам несовершеннолетних [3].

Стоит отметить и то, что сегодня значительно возросла тенденция злоупотребления несовершеннолетними спиртными напитками, наркотическими и одурманивающими веществами. Около 150 тыс. детей состоят на учетах в наркологических кабинетах из них: 60 тыс. детей имеют алкогольную зависимость, 6 тыс. – наркотическую зависимость [2, 110].

Анализ административных материалов показал, что среди подростков доминируют совершение следующих административных правонарушений: Нарушение установленного федеральным законом запрета курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах (ст. 6.24 КоАП РФ), Мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ), Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах (ст. 20.20 КоАП РФ), Мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), Появление в общественных местах в состоянии опьянения (ст. 20.21) [3].

На основе вышеизложенного мы можем прийти к следующему выводу: несовершеннолетний правонарушитель чаще является отстающим учеником, либо с успеваемостью не выше средней, чаще всего из неблагополучной или из неполной семьи. Большинство несовершеннолетних, совершивших преступление привлекались к административной ответственности, могут страдать алкогольной и (или) наркотической зависимостью. Как показывает практика, чаще всего

преступником является лицо мужского пола в возрасте от 14 до 17 лет.

Так исходя из данных КДНиЗП Администрации Орджоникидзевского района г. Уфы на начало 2020 г. лица мужского пола составляют 75 % от общего количества.

Библиографический список:

1. Азаров В.А., Константинов В.А. Профилактическая роль уголовного суда – архаизм и реальность // Государство и право. 2015. № 10. С. 68.

2. Богуш Г.И., Ведерникова О.Н., Голоднюк М.Н. Криминология. Учебное пособие под ред. Кузнецовой Н.Ф. М. 2010. С. 110

3. Постановление №33 Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Республики Башкортостан от 30 августа 2019 г. Режим доступа: https://idpluton.ru/wp-content/uploads/primer-oform.pdf , дата обращения 17.11.2020

4. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. Спб. 2002 С.69

5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ, режим доступа: https:// http://genproc.gov.ru/, дата обращения: 23.12.2019

Шевченко Андрей Владимирович
Shevchenko Andrey Vladimirovich
Магистр ФЗДО ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

УДК 343.9

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

QUANTITATIVE AND QUALITATIVE INDICATORS OF ORGANIZED CRIME IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: В статье проведен анализ статистических данных о зарегистрированных преступлениях совершенных организованными группами и преступными сообществами**.** Автор рассмотрел динамику и структуру рассматриваемого вида преступности.

Abstract: The article analyzes statistical data on registered crimes committed by organized groups and criminal communities. The author examined the dynamics and structure of the considered type of crime.

Ключевые слова: состояние и структура организованной преступности, динамика преступлений совершенных организованными группами и преступными сообществами.

Key words: state and structure of organized crime, dynamics of crimes committed by organized groups and criminal communities.

Изучение качественных и количественных показателей любого вида преступности является обязательным элементом в понимании криминальных процессов, происходящих в определенный период времени и определяющих их структуру. Полученные данные позволяют определить конкретные меры для формирования профилактического комплекса как общего, так и специального характера. Знания о возросшей активности какого-либо элемента в криминальной деятельности организованных групп, особенно учитывая их разносторонних характер, должны определить точечные направления деятельности правоохранительных органов, направить усилия для погашения очага преступности, в том числе разработкой законодательных норм, усиливающих или расширяющих уголовную ответственность членов организованных преступных групп, а также их пособников.

Анализ статистических сведений МВД России[1] о количестве зарегистрированных преступлений совершенных в составе организованной группы и преступного сообщества показал, что в 2016 году отмечается незначительное снижение рассматриваемого вида преступности на 8,7 % (с 13770 до 12570 преступлений), в последующие годы по настоящее время отрицательной динамики не наблюдается. Так, уже в 2017 году отмечается рост указанных преступлений на 5,54 % (до 13 267 преступлений), в 2018 году на 17,94 % (до 15 647 преступлений) и в 2019 году на 4,26 % (до 16 313 преступлений). Схематично приведенные показатели наглядно показывают данную тенденцию и наводят на негативный вывод об активизации противоправной деятельности организованной преступности в течении четырех лет, особенно в 2018 году, которых при сравнении темпов роста показателей преступности является самым криминальным.

Рассматривая структуру преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами можно сделать выводы о направлениях их преступной деятельности, которые свидетельствует о том, что самыми распространёнными видами преступной деятельности в рассматриваемой сфере является незаконных оборот наркотических средств и психотропных веществ (5 801 преступление или 35,6 % от всех совершенных), мошенничество, мошенничество в сфере кредитования ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159.1 УК РФ (5 639 преступлений или 34,6 % от всех совершенных).

Другие составы преступлений менее распространены и имеют следующие показатели: убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной

[1] Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2015 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2016 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2017 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2018 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2019 г .// Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/.

группой п. "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 20 преступлений (0,1 %), похищение человека п. "а" ч. 3 ст. 126 УК РФ – 49 преступлений (0,3 %), кража п. "а" ч. 4 ст. 158 УК РФ – 1016 преступлений (6,2 %), грабеж п. "а" ч. 3 ст. 161 УК РФ – 43 преступления (0,3 %), разбой п. "а" ч. 4 ст. 162 УК РФ – 173 преступления (1,1 %), вымогательство п. "а" ч. 3 ст. 163 УК РФ – 203 преступления (1,2 %).

Отдельным вопросом следует рассмотреть количество выявленных преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)». Данные показатель, во-первых, показывает количество криминальных образований, обладающих нависшей общественной опасностью, во-вторых, позволяет оценить эффективность правоохранительной системы в процессе противодействия организованной преступности.

При рассмотрении статистических показателей было установлено, что начиная с 2014 г. количество выявленных преступных сообществ ежегодно снижается: в 2015 г. на 4,55 % (с 198 до 189), в 2016 г. на 7,94 (до 174), в 2017 г. на 13,79 % (до 150). В дальнейшем данный показатель набрал темпы роста и в 2018 г. увеличился на 9,33 % (до 164) и на 10.98 % (до 182) в 2019 году. В результате можно сделать вывод о повышении уровня криминальных группировок и увеличении эффективности деятельности органов правопорядка в противодействии им.

Другим особо опасным направлением организованной криминальной деятельности является совершение преступлений террористической и экстремистской направленности.

Так, согласно официальной статистики, в период с 2105 года отмечается снижение рассматриваемых преступлений, совершенных организованными формированиями, с 457 до 221 преступления в 2019 года. Исключением является 2016 г. в течении которого зафиксирован их рост на 7 %. В числе данных преступлений в сфере интересов организованной преступности выделяется: финансированием акта терроризма либо террористической организации (ст. 205.1 УК РФ), в 2019 году было выявлено 17 таких преступлений; организация незаконного вооруженного или участия в нем (ст. 208 УК РФ), в 2019 году выявлено 122 такого преступления.

В отличии от преступлений террористической направленности, количество преступлений по линии экстремизма значительно увеличилось. Так, начиная с 2105 года отмечается увеличение рассматриваемых преступлений, совершенных организованными формированиями, с 41 до 63 преступления в 2019 года. Исключением является 2016 г. в течении которого зафиксирован их спад на 45,16 %. В числе данных преступлений в сфере интересов организованной преступности выделяется: возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства п. "в" ч. 2 ст. 282 УК РФ (выявлено 18 фактов в 2019 году); организация экстремистского сообщества, организация деятельности экстремистской организации ст.ст. 282.1, 282.2 УК РФ (выявлен 31 факт в 2019 году); финансирование экстремистской деятельности либо экстремистской организации (выявлен 1 факт в 2019 году).

С учётом активизации лиц, совершающих мошеннические действия с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, необходимо вырабатывать новые методики документирования и расследования преступлений данной категории. Вместе с тем, на сегодняшний день наблюдается отставание правоохранительных органов от темпов развития криминальных формирований различного уровня, выражающееся в сравнительно низкой активности раскрытия мошеннических действий с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий – в 2017 году окончены расследованием уголовные дела по 3997 фактам таких деяний (4,41% от общего числа зарегистрированных преступлений данной категории), 201 в 2018 году – 2081 (1,19%). Данные показатели свидетельствуют о значительном отставании правоохранительных органов от новых вызовов криминальной среды, широко использующих последние достижения, активно развивающиеся информационно-коммуникационные технологии. Преступления рассматриваемой категории прочно заняли своё место в структуре организованной преступности, прогнозируется их дальнейший рост[2].

Кроме того, в структуре преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами в указанный период более 95 % всех преступлений являются тяжкими и особо тяжким, что свидетельствует об их высокой степени общественной опасности и еще раз подчеркивает актуальность проводимой работы. Так, в 2015 году было совершено 13 342 тяжких и

[2] Пырчев С.В. К вопросу о состоянии и тенденциях организованной преступности в Российской Федерации // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2019. С. 198-202.

особо тяжких преступлений (96,9 %), в 2016 г. – 12 073 преступлений (96 %), в 2017 г. – 12 899 преступлений (97,2 %), в 2018 году – 15 153 (96,8 %), в 2019 г. – 15 633 (95,8 %).

В данном случае указанную тенденцию следует объяснить диспозицией статьи 35 УК РФ, в которой указана цель преступного объединения, а именно совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Данное понятие имеет уголовно-правовое значение необходимое для квалификации преступного деяния. Вместе с тем, с позиции криминологии этот показатель, входящий в официальную статистику, не отражает всю ширину распространения организованной преступности, так как показывает только наиболее тяжкий их результат. Очевидным фактом является то, что участники организованных групп и преступных сообществ ведут активный противоправный образ жизни, нередко совершая менее тяжкие преступления, в том числе для подготовки к более серьезному преступлению.

Таким образом, не все преступления, совершенные членами организованной группы или преступного сообщества, учитываются в соответствующем разделе статистической информации. В связи с этим необходимо выработать комплекс мер, направленных на получение информации о совершении таких преступлений, основным из которых является проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Организованные преступные группы все чаще представлены в сферах именно экономической деятельности. Наличие серых зон экономических отношений создает для преступников колоссальные возможности. Наиболее яркими примерами такого рода серых зон являются криптовалюты и новые финансовые платформы, использующие сферу информационных технологий. В своей деятельности организованные преступные группы используют коррупцию для проникновения в государственные, частные и общественные организации. Коррупция как фактор, стимулирующий развитие организованной преступности в сфере экономической деятельности, приводит к криминализации отдельных видов экономической деятельности[3].

Высокий уровень латентности данных преступлений связан со скрытостью субъектов и конечных бенефициаров его совершения, а также сферой его совершения - экономическая деятельность традиционно более сложная в оперативном сопровождении, чем общеуголовная преступность.

Таким образом, проведенный анализ показал, что самыми распространёнными преступлениями, совершенными криминальными организациями, являются незаконных оборот наркотических средств и психотропных веществ, а также мошенничество, мошенничество в сфере кредитования ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159.1 УК РФ. Высокую общественную опасность представляют преступления террористической и экстремистской направленности, совершенные организованными группами и преступными сообществами. Выявлена латентность рассматриваемого вида преступности в сфере экономической деятельности.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 (с изм. от 21 июля 2014) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 17.01.2019).

3. Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2015 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2016 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2017 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2018 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2019 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф/.

4. Молчанова Т.В., Гаджимурадов Ш.А. Статистическое измерение преступлений, совершенных организованной преступной группой и преступным сообществом в сфере экономической деятельности [Текст] / Т.В. Молчанова, Ш.А. Гаджимурадов // Безопасность бизнеса. – 2019. – № 4. – С. 51 - 56.

5. Пырчев С.В. К вопросу о состоянии и тенденциях организованной преступности в Российской Федерации [Текст] / С.В. Пырчев // Стратегическое развитие системы МВД России:

[3] Молчанова Т.В., Гаджимурадов Ш.А. Статистическое измерение преступлений, совершенных организованной преступной группой и преступным сообществом в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С. 51 - 56.

состояние, тенденции, перспективы. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 198-202.

Шевченко Андрей Владимирович
Shevchenko Andrey Vladimirovich
Магистр ФЗДО ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

Дробот Сергей Александрович
Drobot Sergey Alexandrovich
Научный руководитель, доцент, к.ю.н., доцент

УДК 343.9

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ЛИДЕРА ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

CHARACTERISTIC OF THE PERSONALITY OF THE LEADER OF ORGANIZED CRIMINAL FORMATIONS

Аннотация: В статье проведен анализ личности лидера организованной преступной группы**.** Автор выделил основные черты и признаки криминального лидера, а также их типологию.

Abstract: The article analyzes the personality of the leader of an organized criminal group. The author highlighted the main features and characteristics of a criminal leader, as well as their typology.

Ключевые слова: организованная преступность, руководители организованных групп и преступных сообществ, личность преступника, типология личности преступника.

Key words: organized crime, leaders of organized groups and criminal communities, criminal personality, criminal personality typology.

Изучение личности преступника является важным элементом криминологического исследования, так как имея знания о человеке занимающегося противоправной деятельностью, мотивации его криминального поведения, социально-демографических и других характеристиках, позволяют эффективно использовать их в деятельность по противодействию преступности.

Данные выводы постоянно подтверждаются при проведении криминологических исследований. Так, например, Антонян М.Ю. считает, что успешное предупреждение преступлений возможно лишь в том случае, когда внимание всех заинтересованных лиц будет концентрироваться, на личности преступника, поскольку именно личность выступает носителем причин их совершения [1, с. 37].

Понимая необходимость и важность привлечения к уголовной ответственности рассматриваемых лиц, законодателем была сформулирована норма, согласно которой в случае если какое-либо из перечисленных в ч. 1 ст. 210 УК РФ деяний совершено лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, ему грозит значительно более суровое наказание, чем иным преступным лидерам и организаторам, - вплоть до пожизненного лишения свободы. Кроме того, введена в действие самостоятельная статья «210.1. Занятие высшего положения в преступной иерархии» [6].

Исходя из положений законодательства и мнения различных ученых следует определить признаки лидера организованной преступности. Одни полагают, что по мере того как непосредственное участие лидеров преступного сообщества в совершении конкретных преступлений перестает быть необходимым, они, чтобы сохранить свой статус, атрибутируют его формальными признаками статуса лица, занимающего высокое положение в преступной иерархии. Сам статус становится организующим фактором и приобретает общественную опасность. Эти лица и властвуют, и правят [3, с. 467].

А.И. Долгова считает занятие такого положения может трактоваться не только как процесс инициативного приобретения соответствующего статуса получившим его субъектом, но и как результат наделения субъекта данным статусом иными лицами без его доказанных целенаправленных усилий [5, с. 28-29]. Тем самым А.И. Долгова обращает внимание на то, что высшее положение в преступной иерархии может быть занято разными способами, которые при определенных условиях должны влечь разные правовые последствия для обладателя указанного статуса [7, с. 147].

Опуская социально-демографическую характеристику важно рассмотреть типологию

личности лидера организованных преступных групп.

По результатам проведенного исследовании Иванцова С.В. были выделены следующие типы лидеров:

1. Традиционные лидеры преступного мира - «воры в законе»: для данного типа обладает сильной волей, прямолинейный, решительный, коммуникабельный, кроме того такие индивидуумы пропагандируют идеологию преступного образа жизни, готовы возглавлять группы занимающиеся общеуголовной и, реже, экономической направленностью.

2. Лидер или авторитет нового типа, «воры в законе» новой волны: обладает честолюбием, организаторскими способностями и инициативностью, разбирается в социально-экономическом состоянии общества и государства в целом, может иметь официально зарегистрированный бизнес или заниматься иной законной деятельностью, не испытывает сложностей в доверительном общении с людьми и налаживанием социальных контактов, в большинстве случаев возглавляет преступное сообщество экономической направленности [2].

В настоящее время отмечается определённого рода трансформация поведения лидеров: они ведут достаточно положительный образ жизни, демонстрируют ведение законной деятельности, не являются непосредственно участниками конкретных преступлений, только организовывают их, кроме того налаживают контакты с правоохранительными органами и т.п.

По сравнению с другими преступниками, организаторы преступного сообщества являются более адаптированными, т.е. более приспособленными к различным социальным ситуациям и их изменениям: лучше ориентируются в социальных нормах и требованиях. Чаще всего им не свойственны также такие черты, как агрессивность поведения, которые отмечаются у насильственных преступников [4, с. 83]. Стремление к повышению социального статуса появляется у организаторов преступного сообщества и в период отбывания наказания, когда они стремятся к такой работе, которая связана с отдельными распорядительными функциями.

Также следует указать, что организаторы преступных группировок, как правило хорошо знакомы с обстановкой внутри группы и вне ее. Они же генерируют преступные идеи и планы, создают последовательность действий и их выполнения, находят спонсоров, поставщиков и прочее. Зачастую сохраняют при этом добропорядочное лицо, имеют легенду.

Следует обратить внимание на характеристику личности лидера преступных образований с учетом статуса и криминальной структуры организованные преступные группировки предложенной Бурлаковым В.Н., Щепельковым В.Ф. [3, с. 471]:

1. В унитарной организованной преступной группе (в основном малочисленной) отсутствует ярко выраженный лидер, его место может занять любой член сообщества или принимается коллективное решение.

2. В федеративной организованной преступной группе все информационные и деловые процессы замыкаются на лидере, образующем самостоятельную управленческую подструктуру. Криминологической особенностью личности является четко выраженный характер, так как при совершении конкретных преступлений, как правило, отсутствует соисполнительство.

3. В конфедеративной организованной преступной группе (легально-криминальная) лидер строит децентрализованную систему управления, реализует деятельность в легальном предпринимательстве либо занятии должности в государственной организации, при этом использует криминальные действия для обеспечения, поддержки и защиты.

4. В авторитарно-унитарной организованной преступной группе лидер, как правило, занят легальной деятельностью (бизнес, госслужба и т.п.), но жестко контролирует деятельность группировки путем планирования преступных акций, распределения добытого преступным путем, защиты от разоблачения.

5. В тоталитарно-федеративной организованной преступной группе лидер характеризуется децентрализованной системой коммуникативных связей между преступниками и централизованным взаимодействием между элементарными организованными группами и осуществляет руководство группой через одного посредника.

Следует согласится с указанными авторами, которые дают следующую характеристику лидеру организованной преступности, как криминально-профессиональный тип. Социально-нравственные качества личности деформированы и образуют стойкую негативную направленность. Отличается правовым нигилизмом, наличием в сознании стойких стереотипов криминального поведения. Рецидивист со стажем. Непреклонный фанатик и идеолог преступной субкультуры,

которая, по его мнению, является приемлемой для общества в целом. Лидерские качества явно выражены. Средний возраст — 35–40 лет; ранее судим; холост; образование среднее. Руководитель ОПГ начиная с третьей конфигурации будет обладать статусом лидера, занимающего высшее положение в преступной иерархии [3, с. 471].

Согласно выводам, приведенных авторов лидером организованной преступности становятся не случайные люди, они обладают криминальным опытом, ориентируются в процессах, складывающихся в криминальном мире, осуществляют развитие преступного мира, в том числе с использованием связей в экономической сфере и государственном аппарате.

Таким образом, исследование личности лидеров организованных преступных группировок приобретает особую актуальность, потому что они осуществляют руководство исполнителями, пособниками и иными участниками группы, то есть используя свои личностные качества передают им свою волю, направляют на совершение конкретного преступления. Именно от личности преступного лидера зависит формирование состава организованной группы, направление, тактика и методика их криминальной деятельности. В основном через него проходят коррупционные связи, а также контакты с международными группировками.

Библиографический список:

1. Антонян М.Ю. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование: монография. – М.: Норма, 2019. – 368с.

2. Бидова Б.Б. Криминологические особенности личности лидеров организованных преступных формирований // Евразийский научный журнал. 2017. № 2. [Электронный ресурс] – URL: http://journalpro.ru/articles/kriminologicheskie-osobennosti-lichnosti-liderov-organizovannykh-prestupnykh-formirovaniy/ (дата обращения: 29 .10.2020).

3. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве [Текст] / В.Н. Бурлаков, В.Ф. Щепельников // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. № 3. – С. 471.

4. Воронин С.Э., Кузнецова С.М. Психологический портрет организатора преступного сообщества [Текст] / С.Э. Воронин, С.М. Кузнецова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 1 (23). – С. 80-86.

5. Долгова А.И. Организованные криминальные реалии и проблемы уголовно-правового реагирования на них [Текст] / А.И. Долгова // Уголовная ответственность. Фундаментальные основы теории и практики: Сб. науч. тр. – 2018. – 316с.

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ [Электронный ресурс] // ЭПС «Система Гарант». – URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 12.12.2020).

7. Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 210.1 УК РФ) [Текст] / П.А. Скобликов // Закон. – 2019. – № 11. – С. 144 - 152.

Дуйсебаева Сауле Батыркановна
Duysebaeva Saule Batyrkanovna
Межрайонная ИФНС России № 17 по Челябинской области
E-mail: bigiristanova94@mail.ru, г. Магнитогорск

УДК 347

СООТНОШЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ, ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДМЕТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

THE CORRELATION OF PROPERTY RELATIONS, ORGANIZATIONAL AND CORPORATE RELATIONS IN THE SUBJECT OF CIVIL LAW

Аннотация: Статья посвящена определению соотношения имущественных отношений с другими видами отношений, входящими в структуру предмета гражданско права : корпоративными и организационными отношениями.

Abstract: In the article was made a comparison of property relations with other types of relations that are included in the subject of civil law, such as corporate and organizational relations.

Ключевые слова: имущественные отношения, корпоративные отношения, организационные отношения, предмет гражданского права.

Key words: property relations, corporate relations, organizational relations, subject of civil law.

Споры о структуре предмета гражданского права и перечне входящих в него элементов имеет в науке гражданского права довольно давнюю историческую подоплеку. В дореволюционной российской цивилистике к понятию имущественных отношений начали проявлять интерес к середине 19 века [1, с. 23] в рамках изучения общих вопросов предмета гражданского права. Некоторые исследователи того времени считали, что предмет гражданского права охватывает исключительно имущественные отношения. Так, К.Д. Кавелин считал, что юридические отношения, которые регулируются гражданским правом, обязательно должны иметь в качестве предмета материальные овеществленные ценности в виде физических вещей, прав и услуг. Неимущественные отношения, по мнению автора, оказывались «за бортом» гражданского права [2, с. 137]. Д.И. Мейер также считал, что науку гражданского права необходимо«ограничить в рамках учения об имущественном праве» [3 с. 32, 97]. В противовес им К.И. Малышев допускал возможность включения в предмет гражданского права неимущественных отношений при условии наличия в них очевидного имущественного элемента. Автор писал, что каждый объективированный интерес, «способен стать предметом частного права» За счет того, что в предмет гражданского права могут включаться личные гражданские отношения, он охватывает «всю область возможных частных юридических отношений» [4, с. 2]. С его мнением был согласен ряд других авторитетных авторов, включая К.Н. Анненкова[5, с. 31], С. Муромцева[6, с. 35]. Г.Ф. Шершеневич позже исследуя данный вопрос, писал о том, что сторонники такого подхода включили в предмет гражданского права «частных лиц как субъектов и различный частный интерес как содержание», добавляя при этом, что аналогичной трактовке следовало действовавшее в Российской Империи в середине 19-го века Гражданское Уложение [1, с. 23-24].

Очевидно, что та группа ученых, которая рассматривала имущественные отношения, как одну из составных частей предмета гражданского права, а не в качестве единственной его части, намного ближе к трактовкам, которых придерживаются и современные авторы, изучающие данный вопрос. Однако, для того, чтобы перейти к данной части вопроса, нужно проанализировать то, как разрешала поставленный вопрос советская школа цивилистики.

Советский цивилисты в попытках определить содержание имущественных отношений зачастую прибегали к использованию различных экономических категорий. Так, к примеру, была широко распространена концепция, сторонники которой делали акцент на так называемый «производственный признак». Это не удивительно, особенно в первые годы существования советского государства, когда все нюансы повседневной жизни этого периода были пропитаны коммунистическими мировоззренческими идеями. Так, 22 мая 1922 года была принята декларация «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и

защищаемых судами РСФСР» [7]. Согласно этому документу, а также главе 3 Общей части ГК РСФСР 1922 г., которая называлась «Объекты прав (имущества)», многие виды имущественных отношений попросту не были учтены советским гражданским правом. Как пример, ни разу не упоминается о делении имущества на движимое и недвижимое, а также об особенностях правового регулирования имущественных отношений, возникающих в соответствующих случаях. Советские ученые стремились интегрировать науку гражданского права в марксистскую идеологию, многие из них пытались это сделать, используя инструментарий, больше свойственной науке экономической, нежели юридической [8, с. 20]. Так, Колганов, как и другие его современники, обращался к категории «производства» в попытках объяснить сущность имущественных отношений. Автор пишет о том, что «марксизм рассматривает собственность как присвоение средств производства и других материальных благ и одновременно как совокупность имущественных или, что то же, производственных отношений людей, которые складываются на этой основе». Тем самым Колганов отождествлял понятия собственности, присвоения и производста [9, с. 85]. Менее категорично позицию занимает С.С. Алексеев, который считал, что собственность является частью производственных отношений, которые являются выражением взаимодействия социальных групп по поводу средств производства. Другими словами, производственные отношения в совокупности с отношениями собственности на средства производства проявляют себя в индивидуальных и волевых отношениях. Алексеев определил имущественные отношения, как «связанные с материальными благами волевые отношения собственности между конкретными лицами, складывающиеся в силу особого характера отношений собственности как со стороны производственных отношений, товарного производства и государства» [10, с. 45-46]. Данную точку зрения также разделяли Ю.К. Толстой и В.Ф. Яковлев, О.С. Йоффе. Видно, что указанные ученые, в отличие от Калганова не столь категоричны в суждениях и наряду с «производственным признаком» выделяют также и значимость для имущественных отношений категории «собственность». Тогда же в отечественной цивилистике прочно укоренилась концепция, согласно которой право собственности представлено тремя отдельными логическими составляющими: правом владения, пользования и распоряжения. В. А. Тарханов определил имущественные отношения, как «отношения по поводу владения, пользования и распоряжения вещами, а также иные отношения по поводу передачи материальных благ», также подчеркнув значение волевого элемента, которым наделяются участники таких отношений. Автор считал, что нельзя, как отождествлять производственные и имущественные отношения, так и противопоставлять их, как диаметрально противоположные, ибо значительная часть общественных отношений может выступать одновременно и производственными, и имущественными [11, с. 32].

Таким образом, можно говорить о существовании в советской цивилистике двух групп теорий, сторонники первой из которых были склонны определять имущественные отношения по производственному признаку, вторые же признавали значительность или главенство категории «собственность». Собственность в социалистический период официально рассматривалась в более глобальном, абстрактном понимании, нежели сейчас - в советское время (кроме самого позднего его периода) совершенно нельзя было представить, что данное понятие в обиходе зачастую будет отождествляется лишь с конкретной ее разновидностью - частной собственностью. Это связано с веяниями изменившейся экономической модели, давшую более широкий простор для толкования предмета гражданского права и входящих в него структурных элементов.

Предмет гражданского права на нормативном уровне получил закрепление в статье в ст. 2 ГК РФ, посвещенной вопросу определения круга отношений, которые регулируются гражданским законодательством. Данный пункт «определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников» [12].

Как видно из приведенной выше цитаты, ее большая часть относится к категории имущественных отношений, которые, как отмечает О.В. Зайцев, наряду с личными неимущественными отношениями всегда рассматривались в качестве основы гражданского права [13, с. 96]. При том, что гражданское законодательство активно оперирует категорией «имущественные отношения» в текстах нормативно-правовых актов, официальное определение

данного понятия в законе отсутствует. Ввиду такого положения дел, обратимся к научной литературе для того, чтобы дать определение имущественным, организационным и корпоративным отношения в рамках структуры предмета гражданского права, а также установить их соотношение.

Большинство авторов, когда речь заходит об имущественных отношениях в целом (не только в рамках гражданского права) указывают на их выраженный экономический характер [14, с. 119; 15, с. 112-113; 16, с. 137]. Участники таких отношений вступают в них для удовлетворения своих потребностей в тех или иных экономических благах – продукции или ресурсах для производства продукции. В.В. Груздев выделяет в качестве ключевого свойства объекта имущественных отношений оборотоспособность, определяющую само содержание имущественных отношений. Под оборотоспособностью следует понимать способность объекта переходить от одного субъекта к другому. Так, не могут быть отнесены кимущественным отношения, объектом в которых выступают неотчуждаемые блага (например, жизнь и здоровье), так как они существуют обособленно, вне связи с другими благами. Из оборотоспособности экономического блага вытекает, что оно может быть обменено на другое в определенной пропорции, то есть обладает т.н. меновой стоимостью [17]. Из этого следует, что экономическое благо должно поддаваться денежной оценке, ибо универсальным средством платежа при обмене одних благ на другие выступают деньги. Иными словами экономическое благо можно обменять или заменить на другое экономическое благо, либо его денежный эквивалент, к примеру, в случае его утраты. Вышеоаписанное относится к имущественным отношениям в целом. Признаками имущественных отношений в рамках предмета гражданского, которые нашли свое закрепление, как в доктрине гражданского права, так и в тексте ГК РФ (п. 1 ст. 2), являются равенство, автономия воли и имущественная самостоятельность участников. Заметим, что такими же чертами наделен и метод гражданского права.

Таким образом, регулируемые гражданским правом имущественные отношения являются самостоятельными индивидуализированными социальными связями, которые возникают в сфере принадлежности и (или) присвоения экономических благ (ввиду их оборотоспособности) и обладающие самостоятельностью участников данных отношений.

Далее попробуем соотнести имущественных отношения, с организационными и корпоративными отношениями.

Что касается организационных отношений, то в науке зачастую высказывается мнение о том, что они могут существовать в лишь рамках публичных отраслей права (в первую очередь, административного права). Чаще всего возникая в сфере государственного управления, которому присущи отношения власти и подчинения, они являются центральной частью предмета административного права. Такие отношения, как указывает С.Н. Братусь, могут протекать в том числе и в рамках хозяйственной деятельности, производства, распределения и обмена экономическими благами (речь идет о государственных хозяйствующих субъектах) [18, с. 42]. Очевидно, что когда властный субъект организует деятельность другого субъекта, применяется в основном императивный метод, однако это не исключает возможности существования организационных отношений в рамках других отраслей права, не обремененных такой степенью вертикальности и допускающих диспозитивное регулирование. Некоторые авторы ставят этот тезис под сомнение [19, с. 10]), однако большинство исследователей убеждено, что несмотря на урегулированность львиной доли организационных отношений нормами именно административного права, в других отраслях они также могут иметь место, и гражданское право здесь не исключение. Так, О.А. Красавчиков отмечает, гражданско-правовому регулированию подлежат общественные отношения, которые строятся на основах координации усилий их участников[20, с. 15]. В качестве примеров можно привести договоры о простых товариществах, акционерных соглашениях, предварительном договоре, рамочном договоре и др. Если попытаться определить, какое место занимают вытекающие из подобного рода институтов отношения, то сразу бросается в глаза, что им присущ явный неимущественный характер, поэтому к личным неимущественным отношениям их очевидно отнести нельзя, ибо они, являясь отношениями абсолютными, не могут включать в себя отношения, вытекающие из каких бы то ни было договоров (т.н. относительные отношения) [21, с.112].

Если сравнивать организационные отношения с имущественными, то им, как было сказано выше, свойствена связь с экономическими благами и стоимостный характер (возможность денежной оценки). В организационных отношениях зачастую присутствуют некоторые имущественные моменты, но они не являются в них ключевыми: с такими отношениями могут быть связаны

вопросы, касающиеся разрешения судьбы каких-то экономических благ, но отсутствие таковых не исключает саму возможность возникновения организационного правоотношения в рамках гражданского права (в отличие от отношений имущественных). Неприменим к организационным отношениям и стоимостный характер, так как подвергнуть их денежной оценке также не представляется возможности, ибо субъекты организационных отношений не противостоят друг-другу подобно контрагентам, как это водится в имущественных отношениях, вместо этого акцент делается на их создание взаимоотношений между субъектами, либо на организацию и упорядочение уже существующих отношений.

По поводу соотношения имущественных отношений и корпоративных в научной литературе ожидаемо нет единодушного мнения. Некоторые исследователи считают корпоративные отношения особой разновидностью организационных отношений и не видят в нем признаков присутствия имущественных отношений [22, с. 153-155]. Однако они в меньшинстве, и большинство ученых склоняются к тому, что корпоративные отношения содержат в себе элементы, как организационных, так и имущественных отношений. К примеру, П.В. Степанов утверждает, о существовании организационных отношений, которые опосредуют экономические отношения по присвоению материальных благ (имущественные организационные отношения) – таковым автор относит и корпоративные отношения [23. с. 38]. В целом, точка зрения, согласно которой корпоративные отношения имеют имущественную природу, широко распространена в литературе [24, с. 121-125]. Причина может заключаться в том, что данными исследователями в качестве корпоративных отношений рассматривались в основном те, которые затрагивают вопросы функционирования коммерческих юридических лиц. Некоторые ученые также относят корпоративные отношения в контектсе деятельности некоммерческих организаций к имущественным отношениям, а их правовой режим отождествляют с режимом корпоративных отношений в коммерческих корпорациях, так как в обоих случаях участники формируют имущество корпорации (ст. 65.2 ГК РФ) [25]. Другие исследователи указывают на то, что отношения, складывающиеся в некоммерческих организациях значительно зависят от характера их деятельности и, несмотря на то, что в большинстве случаев они являются имущественными, из данного правила возможны исключения [26, с. 83].

Н.В. Козлова определяет корпоративные отношения как самостоятельный подвид гражданских отношений, которым свойственен «ярко выраженный организационно-имущественный характер» [27. с. 244]. В. В. Долинская определяет корпоративные отношения, как «организационно-имущественные» и отмечает, что их не стоит смешивать с иными видами имущественных и неимущественных отношений [28, с. 3-4].

Мы, в свою очередь, считаем, что хоть и организационная составляющая в корпоративных весьма значительна (ведь без организационных отношений немыслимо управление корпорацией и упорядоченное взаимодействие ее членов между собой), но и имущественные права входящих в нее участников также играют важную роль в процессе ее функционирования. Яркими примерами присутствия «имущественного элемента» в корпоративных отношения является получении дивидендов или прибыли ее участниками или, как уже отмечалось, формирование участниками корпорации ее имущества.

Резюмируя можем сказать, что имущественные отношения являются одной из разновидностей общественных отношений, составляющих предмет гражданского права. Они представлены индивидуализированными социальными связями, которые возникают в сфере принадлежности и (или) присвоения экономических благ и отличаются самостоятельностью взаимодействующих в их рамках участников. От организационных отношений в рамках гражданско-правовой сферы их отличает главным образом обязательность наличия экономического блага в качестве объекта отношения и характером взаимодействия участвующих в них лиц. Когда речь идет об организационных правоотношениях, то взаимоотношения строятся по принципу противопоставления, так как участники являются контрагентами. Организационные же отношения направлены на создание взаимоотношений между субъектами или на организацию и упорядочение уже существующих отношений, и подобного противопоставления в них не наблюдается. Касаемо соотношения имущественных и корпоративных отношений, мы пришли к выводу о том, что последние имеют составную природу и включают в себя элементы, как имущественных, так и организационных отношений.

Библиографический список:

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Общая часть. – М., 1995. - 556 с.

2. Кавелин К. Что есть гражданское право и где его пределы? СПб., 1864. . - 152 с.

3. Мейер Д. И. Русское гражданское право: Учебник: В 2- ч. Ч. 1 – М., 1997. - 290 с.

4. Малышев К. И. Курс общег гражданског прав России. Особо приложение. Т. 1. – СПб., 1880. - 892 с.

5. Анненков К. Н. Система русского гражданского права. Т. 1. Введение, общая часть – СПб., 1894. - 591 с.

6. Муромцев С. Очерк общей теории гражданского права. Ч. 1. –М., 1877. - 317 с.

7. Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законам и защищаемых судам РСФСР: Декларация третьей сессии ВЦИК IX созыва от 22 мая 1922 г. // РСФСР. 1922. №36. Ст. 423.

8. Генкин Д. М. Предмет советского гражданског прав // Сов. государство и право, 1955. № 1. С. 102-109.

9. Колганов М. В. Собственность в социалистическом обществе. – М.: Право, 1953. - 392с.

10. Алексеев С. С. Предмет советского социалистического гражданского права. – Свердловск, 1959. - 336 с.

11. Тархов В. А. Гражданско право. Общая часть. Кур лекций, – Чебоксары, 1997. - 331 с.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 31 июля 2020 г.) 1. "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

13. Зайцев О.В. Проблемы определения предмета гражданского права // Власть Закона. 2017. № 4. С. 93-104.

14. Рузанова В.Д. Имущественные отношения, регулируемые гражданским правом: понятие, признаки, основной критерий деления // Вестник ТвГУ. Серия "Право". 2016. № 1. С. 113-124.

15. Васильев В.В. Особенности имущественных отношений, составляющих предмет гражданского права // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2010. № 4. С. 109-113.

16. Мозолин В.П., Рябов А.А. О вертикализации предмета гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 4. С. 133-141.

17. Груздев В. В. Имущественные отношения как предмет гражданского права // Российский юридический журнал, 2017, № 3. С. 112-117.

18. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1963. - 198 с.

19. Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. - 174 с.

20. Советское гражданское право: учеб.: в 2 т. / под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высш. шк., 1985. Т. 1. - 544 с.

21. Андрющенко А. В. Место организационных отношений в предмете гражданско-правового регулирования // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Томск, 2014. С. 8-10.

22. Майфат А. В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования. М. : Волтерс Клувер, 2006. - 328 с.

23. Степанов П.В. Корпоративные отношения в гражданском праве // Законодательство. 2002. № 6. С. 35-41.

24. Майорова К.И. Корпоративные отношения в некоммерческих организациях: проблемы определения природы и содержания // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 121 - 125 с.

25. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. - 456 с.

26. Ломакин Д.В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М., 2008. - 165 с.

27. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 220 с.

28. Долинская В. В. Основные положения о юридических лицах: новеллы гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 3-11.

Дуйсебаева Сауле Батыркановна
Duysebaeva Saule Batyrkanovna
Межрайонная ИФНС России № 17 по Челябинской области
E-mail: bigiristanova94@mail.ru, г. Магнитогорск

УДК 347

СОДЕРЖАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИХ МЕСТО В СТРУКТУРЕ ПРЕДМЕТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

CONTENTS OF PROPERTY RELATIONS AND THEIR PLACE IN THE STRUCTURE OF THE SUBJECT OF CIVIL LAW

Аннотация: Статья посвящена анализу признаков, которые свойственны имущественным отношениям и определению их места в рамках структуры предмета гражданского права. Разграничены имущественные отношения, входящие в структуру предмета правового регулирования гражданского права и других отраслей.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the characteristics that are inherent in property relations and the determination of the place that they occupy within the framework of the subject of civil law. Have been delimited the property relations, included in the subject of legal regulation of civil law and other branches of law.

Ключевые слова: имущественные отношения, предмет гражданского права.

Key words: property relations, subject of civil law.

Согласно широко распространенному в юриспруденции подходу, к предмету правового регулирования отрасли права принято относить общественные отношения, которые отвечают двум признакам. Первым из них является наличие объективной возможности регламентации таких отношений посредством правовой нормы (т.е. это как минимум должны быть волевые, сознательные отношения). Во-вторых, должна иметься выраженная потребность в подобном регулировании [1, с. 47-48]. Исходя из этого, предметом правового регулирования отдельной отрасли права является определенная разновидность общественных отношений, которые обладают перечисленными признаками.

Начиная говорить об имущественных отношениях, сперва определимся с понятием имущества. В.А. Васильев пишет, что «имущество представляет собой совокупность принадлежащих субъекту гражданского права вещей, имущественных прав и обязанностей» [2, с. 109]. Помимо этого, многие авторы указывают на выраженный экономический характер рассматриваемых отношений. Участники имущественных отношений вступают в них с целью удовлетворения потребностей в тех или иных экономических благах – продукции или ресурсах для производства продукции.

Разберемся с этим подробнее. Так, исходя из способности удовлетворять потребности участников отношений, экономическим благам присущ признак полезности [3, с. 303]. Однако при этом стоит учитывать, что экономическое благо может выступать объектом не только имущественных, но и многих других видов отношений (например, трудовых, налоговых). Поэтому видится логичным сперва попытаться отделить имущественные отношения от всех прочих экономических взаимоотношений, а затем уже попытаться четко определить круг имущественных отношений, регулируемых гражданским правом.

В доктрине существуют разные точки зрения на обозначенную выше проблему. Споры по поводу того, какие разновидности имущественных отоношений стоит относить к предмету гражданско-правового регулирования, а какаие из них входят в сферы регулирования других отраслей права, начались еще в советский период и продолжается по сей день. С.Н. Братусь предложил качестве идентификатора, который позволил бы провести такое разграничение, признак имущественной самостоятельности субъектов отношения (имущественные отношения в рамках гражданского права, по мнению ученого, отличаются от прочих уровнем высоким свободы воли участников [4, с. 126-127]. Схожего мнения придерживается А.А. Алексеев, уточняя при этом, что под свободой воли участников имущественного правоотношения в первую очередь следует понимать свободу распоряжения имуществом [5, с. 121]. Ю.К. Толстой считает, что в качестве основного

критерия стоит рассматривать равенство участников имущественного отношения [6, с. 6]. По мнению А.В. Дозорцева, ключевой критерий разграничения связан не с характеристикой субъектов имущественных отношения, а с характеристикой объекта: так, по мнению исследователя, в первую очередь необходимо обращать внимание на обособленность имущества, по поводу которого возникло имущественное отношения [7, с. 105-106]. Н.Д. Егоров придерживается мнения о том, что в качестве квалифицирующего признака имущественных отношений, входящих в предмет гражданского права следует рассматривать их «стоимостную форму и взаимооценочный характер» [8, с. 9].

Такое разнообразие мнений подталкивает нас к тому, чтобы самостоятельно разграничить имущественные отношения, относящиеся к предмету гражданского права от всех прочих видов имущественных отношений. Для решения этой задачи выделим специфические свойства объекта имущественных отношений, так как он определяет их содержание. Одним из таких свойств является оборотоспособность, которая определяется как способность объекта переходить от одного субъекта к другому. Так, нельзя отнести отношения к имущественным, если объектом в них выступают неотчуждаемые блага, такие как жизнь или здоровье, ибо они существуют обособленно, вне связи с другими благами. Из оборотоспособности экономического блага вытекает, что оно может быть обменено на другое в определенной пропорции (речь о т.н. меновой стоимости). Так как универсальным средством платежа при обмене одних благ на другие выступают деньги, можно заключить, что экономическое благо должно поддаваться денежной оценке. Иными словами экономическое благо можно обменять или заменить другим экономическим благом либо его денежным эквивалентом (например, в случае утраты блага).

Таким образом, имущественные отношения – это отношения, объектом которых является экономическое благо, соответствующие при этом перечисленным выше свойствам. Как указывает В.Ф Яковлев, по содержанию эту разновидность общественных отношений можно разделить на две группы: первая из них представлена отношениями принадлежности (присвоенности) блага, которые позволяют удовлетворить потребности обладателя блага – во вторую входят отношения присвоения, включая получение от другого лица блага, позволяющего удовлетворить потребности приобретателя (в т.ч. потребность в восстановлении блага, которое было утрачено) [9, с. 49-56]. В обеих группах объект характеризуется признаком оборотоспособности, что объединяет их в то, что принято называть имущественным оборотом.

В. В. Груздев выделяет в имущественном обороте две взаимосвязанные стороны - статическую и динамическую. Этим сторонам автор сопоставляет различные области гражданско-правового регулирования имущественных отношений. Так, за «статическую» часть имущественного оборота, по его мнению, отвечают вещное и интеллектуальное право которые регулируют отношения вещной и интеллектуальной собственности соответственно. За «динамику», в свою очередь, отвечает обязательственное право, так как оно регулирует отношения, касающиеся обмена и приобретения экономических благ, то есть их перехода от одного субъекта к другому. При этом в каждой подгруппе имущественных отношений соответствует набор норм охранительного характера, которые призваны бороться с неизбежно возникающими в процессе оборота аномалиями (например, институты защиты вещных и интеллектуальных прав) [10, с. 115]. Однако не стоит забывать, что имущественные отношения отнюдь не ограничиваются исключительно гражданско-правовой сферой. Вещи, деньги, ценные бумаги и другие объекты имущественных отношений регулируются и другими отраслями права. Если попытаться для наглядности привести максимально противоположную гражданскому праву отрасль, которая также активно регулирует имущественные отношения, то на ум сразу приходит налоговое право, которое является полным антиподом права гражданского, но при этом также регулирует соответствующую часть сферы имущественных отношений. По этой причине перейдем к тому, что позволяет отграничить имущественные отношения в рамках гражданского права от других подвидов, находящихся в сфере регулирования прочих отраслей.

Признаками имущественных отношений, которые нашли свое отражение, как в доктрине гражданского права, так и в тексте Гражданского кодекса (п. 1 ст. 2), являются равенство, автономия воли и имущественная самостоятельность участников [11]. При этом примечателен факт, что такими же чертами наделяется и метод гражданского права, ибо, как отмечает В.Ф. Яковлев, «метод может характеризоваться лишь такими признаками, объективные основания которых заложены в регулируемых отношениях» [9, с. 55].

Равенство и независимость субъектов – это ключевое отличительное свойство гражданского права, своеобразный маркер, выделяющий его среди всех иных правовых отраслей. Имущественные отношения, как видно из абзаца выше, всецело соответствуют этим признакам. Однако не стоит думать, что это полностью исключает возможность возникновения ситуаций, когда одни субъекты отношений имеют преимущество над другими, стремятся навязывать другим свою волю. Помимо этого, едва ли можно говорить о полной имущественной самостоятельности участника отношений, находящегося в состоянии неплатежеспособности, а также в других подобных случаях. Такое вполне естественно для экономического оборота, который отличается огромным разнообразием и динамичностью. Предназначение гражданского правового регулирования как раз и состоит в том, чтобы гарантировать свободу воли, имущественная самостоятельность и равенство участников регулируемых отношений. Как отмечает Н.Д. Егоров, если допустить, что участники гражданских правоотношений имеют равное положение и без закрепления этого равенства в норме гражданского права, то отпадает необходимость в самом существовании отрасли гражданского права как такового. Стало быть гражданское правоотношение является скорее результатом, нежели предметом регулирования.

Таким образом, имущественные отношения входят в предмет регулирования множества отраслей права. То, что принято называть чертами имущественных отношений с точки зрения п. 1. ст 2 ГК РФ, является на самом деле признаками правоотношения, поэтому здесь необходим дополнительный отличительный критерий, который дал бы возможность точно определить предмет регулирования гражданского права. Упомянутый выше В.В. Груздев предлагает на роль индикатора имущественных отношений в рамках гражданского права степень самостоятельности регулируемых гражданско-правовыми нормами имущественных связей. По его мнению, если экономическое благо принадлежит (присвоено) кому-либо, то впору говорить, что связанные с ним отношения самостоятельны по причине того, что ими выражена связь обладателя блага со всеми лицами, которые от блага отчуждены. Из этого автор заключает, что «указанные отношения подвергаются исключительно гражданско-правовому регулированию ввиду принципиального отсутствия иной юридической формы их опосредствования» [10, с. 116] Сказанное относиться к «статической» части имущественного оборота – социальным связям, возникающим в сфере вещных прав и интеллектуальной собственности.

Если говорить о динамике имущественного оборота, то тут возможна ситуация, когда кроме непосредственного отношения по поводу перехода экономического блага от одного субъекта к другому, присутствует еще одно, главенствующее отношение, которое при этом и порождает данное имущественное отношение. Другими словами, некие неимущественные отношения могут являться причиной возникновения имущественных отношений между теми же самыми субъектами. Такое свойственно имущественным связям в сфере организации публичной власти, примером может служить взимание обязательных платежей в бюджет. В данном случае имущественные отношения возникают в качестве производного от конституционно-правовых отношений, без которых они появиться бы не могли . Конституционному праву во многом присущ императивный метод регулирования, поэтому субъекты возникшего в данном примере имущественного отношения (по поводу платежей в бюджет) находятся между собой в отношениях власти-подчинения, что как раз-таки является следствием производности данных отношениях от конституционно-правовых.

Описанное выше явление характерно не только отраслям права, в которых преобладает императивный метод правового регулирования. Подобного рода«связка» главенствующего неимущественного и подчиненного имущественного отношения имеется в некоторых частноправовых областях, таких, как семейное и трудовое право.

Так, по мнению большинства исследователей, в семейном праве четко прослеживается доминирование личных семейными отношений над имущественными [12, с. 90; 13, с. 84]. На наш взгляд главенство имущественной составляющей составляющей семейных отношений очевидно . Имущественные связи, возникают между супругами с довольно специфической целью – «создания и поддержания семейной общности» [14, с. 78]. Потребность в возникновении имущественных отношений в данном случае обусловлена фактом создания семьи, что также является здесь способом закрепления имущественной связи между супругами. Не возникни такой личной неимущественной связи между ними – имущественным отношениям взяться будет попросту неоткуда [14, с. 78-79].

Можно предположить, что факт утраты самостоятельности имущественных связей внутри этих отраслей привели к тому, что они со временем выделились из гражданского права в отдельные

правовые отрасли. Так как регулирование данного рода «побочных» имущественных отношений происходит в рамках предмета соответствующей частноправовой отрасли, которая «подчинила» их себе, то следовательно и участники этих отношений должны руководствоваться не гражданско-правовыми нормами, а нормами этой отрасли.

Исходя из вышесказанного, предметом гражданского права охватываются имущественные отношения, которые не являются производными от «инородных» неимущественных связей. Отсюда вытекает, что имущественные отношения, регулируемые гражданским правом являются самостоятельными сами по себе, а не только лишь исходя из имущественной самостоятельности участников этих отношений. Если же говорить об имущественных отношениях, которые лишены такой самостоятельности, то их впору отнести к предмету правового регулирования других отраслей права.

Таким образом, регулируемые гражданским правом имущественные отношения являются самостоятельными индивидуализированными социальными связями, которые возникают в сфере принадлежности и (или) присвоения экономических благ и обладающие самостоятельностью участников данных отношений.

Библиографический список:

1. Васильев В.В. Предмет гражданско-правового регулирования как основной системообразующий фактор отрасли гражданского права // Предмет гражданско-правового регулирования как основной системообразующий фактор отрасли гражданского права 2010. № 4 (22). С. 42-46.

2. Васильев В.В. Особенности имущественных отношений, составляющих предмет гражданского права // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2010. № 4. С. 109-113.

3. Чернявский А. Д. Актуальные проблемы социальной коммуникации //

Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы конф. (Нижний Новгород, 25 мая 2012 г.): Н. Новгород, 2012. - С. 302-305.

4. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. – М.: Право, 1963. - С. 126-127.

5. Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права // Ученые труды Свердловского юридического института. Т. 1. Свердловск, 1959. - 330 с.

6. Толстой Ю. К. Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961—1965 гг.). автореф. дисс. … д.ю.н. – Л., ЛГУ, 1970. - 33 с.

7. Дозорцев А.В. О предмете советского гражданского права // Советское гражданское право. 1954. №7. С. 104-108.

8. Егоров Н.Д. Единство и дифференциация предмета советского гражданского права / В кн. Проблемы гражданского права. – Л.: изв-во ЛГУ, 1987. - С. 9.

9. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., доп. М.: Статут, 2006. - 240 с.

10. Груздев В. В. Имущественные отношения как предмет гражданского права // Российский юридический журнал, 2017, № 3. С. 112-117

11. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 31 июля 2020 г.) 1. "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

12. Косенко Е. В. Семейное правоотношение: понятие и отдельные признаки // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 4. С. 87-92.

13. Шарафудинова Э. Н. Понятие и особенности семейных правоотношений // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 1. С. 83-87.

14. Н. Л. Бондаренко, Т. М. Халецкая Имущественные отношения супругов как предмет правового регулирования гражданского и семейного права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. № 4. С. 77-87.

Гатиев Борис Мусаевич
Gatiev Boris Musaevich
Студент Московского гуманитарного университета

УДК 352

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНТГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЯПОНИИ

HISTORICAL FEATURES OF THE FORMATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN JAPAN

Аннотация: В статье рассмотрен процесс развития и реформирования института местного самоуправления в Японии. Раскрываются особенности формирования правоотношений между центральной властью и органами управления на уровне местной власти с XII по XXI века.

Abstract: the article considers the process of development and reform of the institute of local self-government in Japan. The features of the formation of legal relations between the central government and the governing bodies at the level of local authorities from the XII to the XXI centuries are revealed

Ключевые слова: Япония, местное самоуправление, реформы, префектура, муниципалитет, местная автономия.

Keywords: Japan, local government, reforms, prefecture, municipality, local autonomy.

Начиная с Минамото-но Ёритомо с конца XII века верховная власть в Японии принадлежала сёгунам[1] властвовавшим при императорах. В стране уже был сформирован феодальный строй, впоследствии переживший несколько реформ, но оставивший нетронутым основную систему управления, при которой страна была поделена на владения между дайме (князьями), которые подчинялись бакуфу. Дайме обладали высокой автономией в своих действиях, нередко это приводило к военным конфликтам между княжествами, бунтам, иногда и войнам за сам титул сёгуна. В результате это привело к одному из крупнейших внутренних кризисов названным «Сэнгоку Дзидай» или «Эпохой воюющих провинций», длившийся с XV и до начала XVII века. По окончанию данного периода в стране закрепился сёгунат Токугава, оставивший федеративное деление на «хан» т.е. владения дайме, и отгородивший страну от влияния западных стран или же «южных варваров» и полной изоляции Японии. Исключением являлся портовый город Нагасаки, остававшимся «окном» европейцев в Японию вплоть до середины XIX века. Таким образом вплоть до 1853 года Япония находилась в состоянии «внутренней консервации", закончившейся с прибытием броненосной эскадры США под командованием командора Перри, названных в Японии «черными кораблями» (куробуне). В результате применения т.н. «дипломатии канонерок» правительство сёгуна под давлением военных кораблей, стоявших у берегов Японии, было вынуждено подписать неравноправные договора[2]. Через несколько лет именно эти соглашения станут одной из причин для внутреннего военного конфликта — «Войны Босин» или «Войны года Дракона».

Формирование местного самоуправления Японии в современном варианте началось после «Войны Босин», где воюющими сторонами являлись сторонники антиноземных настроений и передачи полной власти императору Мацухито, и сторонники правящего сёгуна Ёсинобу Токугава и его правительством. По окончанию конфликта и победе имперских сил, в стране назрела необходимость в реформах в том числе административно-территориальных. В качестве основы для реформ по западному образцу было принято решение использовать прусскую модель, поскольку на данный период времени в континентальной Европе именно Пруссия стала передовой страной, закрепив свой авторитет и статус в глазах мировых держав по результатам Франко-прусской войны. Данный период в истории Японии принято именовать — «Реставрация Мейдзи».

Характерной чертой реформ является их направленность к унитарной модели управления. Данные преобразования были поэтапными, земли побежденного в ходе войны сёгуна перешли в подчинение императора и его правительства. Несмотря на это, в стране все ещё оставались дайме, имевшие в подчинении множество территорий. Первыми с инициативой добровольной передачи

[1] Кожевников В.В. (1998) Очерки древней истории Японии. // Издательство Дальневосточного университета, — с. 111.
[2] Кузнецов, Ю.Д., Навлицкая, Г.Б. (1988) История Японии // Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. "История" / Ю.Д. Кузнецов, Г.Б. Навлицкая. - М.: Высш. шк., — с. 90.

владений правительству и императору выступили сильнейшие проимперские сторонники, дайме: Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн первыми вернули свои владение в непосредственное подчинение императору[3], что касается остальных княжеств, большая часть дайме добровольно вернули земли, исключение составили 12 дайме, которых принудили сделать это через соответствующий приказ. В качестве равноценного обмена на земли бывших дайме назначали представителями правительства в их бывших владениях, с правом сбора налогов и формированием войск, что вызывало недовольство в провинциях. В 1871 году правительство объявило об окончательном ликвидации ханов и создании префектур и муниципалитетов, в качестве территориальных единиц по всей Японии. Были сформированы префектуры, уезды и муниципалитеты. Также было принято решение перевести всех бывших дайме в Токио на службу, а в префектуры назначать зависимых от центра губернаторов. В 1873 г. было сформировано министерство внутренних дел, к ведению которого были отнесены вопросы местного самоуправления. В 1890 г., с принятием законов об организации системы местной власти, окончательно сложились институциональные рамки института местного самоуправления Японии.

Сформировавшаяся в то время система местного управления существовала скорее на словах нежели на деле. Крупным налогоплательщикам была дана ограниченная возможность участия в государственном управлении. Местные администрации полностью находились в зависимости от центральной власти и могли осуществлять только те виды деятельности, решения доверенные им центральной властью. Губернаторы префектур назначались министром внутренних дел, мэры городов утверждались из числа кандидатур, предложенных депутатами местных собраний, которые в свою очередь избирались мужским населением, имеющим право голоса в рамках избирательного ценза. Тем не менее эпоха Мэйдзи (1868-1911) стала важным исходным рубежом — в истории страны впервые были созданы органы местного самоуправления с унифицированной организационной структурой и серьезной законодательной базой.

В 1923 были упразднены уезды как административно-территориальная единица и закреплялась двухуровневая система префектур и муниципалитетов. Дальнейшие реформы с 1925 по 1927 год давали возможность местному населению участвовать в формировании органов власти. Реформа 1929 года дала представителям местного самоуправления возможность минимальной законодательной инициативы, а министерство внутренних дел и губернаторы были ограничены в своих надзорных функциях. В начале 1930 года процесс реформ был свернут. Начиная с 1940 года и в военное время было установлено диктаторское управление страной. К окончанию войны местное управление утратило все достижения реформ, достигнутых с 20е по 30е года XX века. Так завершился первый этап процесса реформ местного управления.

С окончанием Второй мировой войны Япония столкнулась с катастрофическими разрушениями: уничтоженной экономикой, давлением народного мнения, и необходимостью считаться с США во многих вопросах, в том числе и в реформах (олицетворение выражения “Vae victis” т.е. горе побежденным). Именно так начинался второй этап реформ местного самоуправления, впоследствии приведший к синергии, сформированной и закрепленной в период Мейдзи континентальной модели и англо-саксонской модели, проникшей в страну с принятием конституции 1947 года. Для органов местного самоуправления был закреплен принцип “местной автономии”[4] согласно которому были проведены прямые выборы губернаторов префектур, мэров городов. Органам местного самоуправления передавались широкий спектр полномочий согласно новому закону о местном самоуправлении[5].

Стоит отметить, что решение США сделать Японию форпостом для борьбы с потенциальной коммунистической угрозой в Азии, принудило США пойти на уступки политической элите Японии. Это привело к неоднозначному результату в процессе реформ местного самоуправления. Данные реформы проводились бывшими чиновниками существовавшего до войны МВД, которые провоцировали двойственность в реформах. В качестве примера стоит отметить то, что избираемые губернаторы и мэры находились в финансовой зависимости от центра, что явно противоречило принципу «местной автономии».

Например, в 1954 г. был принят новый закон, упразднивший муниципальную полицию для

[3] Дейноров Э. (2011) История Японии // М.: АСТ: Астрель, — с.437.
[4] Конституция Японии (1947) [Электронный ресурс] // https://worldconstitutions.ru/?p=37 (дата обращения: 01.11.2020).
[5] Закон «О местном самоуправлении» Японии (1947) [Электронный ресурс] // https://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_о_местном_самоупр.. (дата обращения: 01.11.2020)

населенных пунктов с населением, превышающим 5 тысяч человек[6]. Официальной версией для отменны данного закона послужила нехватка средств муниципальных образований на содержание данного органа. Стоит все же отметить, что немаловажную роль здесь сыграло нежелание центральной власти отдавать в сферу компетенции муниципальных образований денежные потоки, выделяемые для содержания данного органа.

В 1960 году было создано министерство по делам местного самоуправления (яп. дзитисё), которое возлагало на губернаторов и мэров множество обязанностей в рамках делегируемых полномочий[7]. В случае если губернаторы или мэры ненадлежащим образом исполняли свои обязанности, министр мог снять их с должности, полностью игнорирую избирателей, выбравших мэра или губернатора. Делегируемые обязанности составляли до 80% работы префектур и до 40% работы муниципалитетов.

В период с 1970 по 1990 год в администрации крупнейших городов в том числе Киото и Токио избрались представители левых партий, которые в свою очередь оказывали

планомерное давление на правительство по вопросам экономической и социальной политики.

Конец XX века дал новые возможности для местного самоуправления в Японии. Финансовые дефициты государственных и местных средств, поставил перед правительством вопрос о необходимости передачи местной власти значительно большего спектра полномочий. В возможном будущем также полный пересмотр модели взаимоотношений между центральными и местными органами, перехода от статуса подчинённых в статус партнеров. В 2000 году был принят закон о децентрализации полномочий исполнительной власти, давший начало масштабной административной реформы. Упразднялось министерство по делам местного самоуправления. За органами местного самоуправления окончательно закреплялись некогда делегируемые им полномочия и функции. Были укрупнены муниципалитеты, граждане получили право самостоятельно инициировать слияния муниципалитетов при условии, если смогут собрать под этим требованием подписи 2% населения, имеющего право голоса.

В настоящее время в стране проводится дискуссия о дальнейших путях развития системы местного самоуправления. Один из широко обсуждаемых проектов реформы предлагает ввести после 2020 г. новую субнациональную систему регионального управления, из 10 региональных округов (досюсэи), которые должны взять на себя значительную часть функций центральных органов власти. Общая тенденция развития заключается в том, что местные власти обретают всю большую финансовую независимость от центра, а в результате активного применения конституционного принципа «местной автономии» практика опеки местных властей со стороны государства постепенно уходит в прошлое.

Библиографический список:

1)Конституция Японии (1947) [Электронный ресурс] // https://worldconstitutions.ru/?p=37 (дата обращения: 01.11.2020).

2)Закон «О местном самоуправлении» Японии (1947) [Электронный ресурс] // https://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_о_местном_самоупр.. (дата обращения: 01.11.2020)

3)Закон «О полиции» Японии (1954) // Япония: справочник / сост. В. Н. Еремин. М., "Республика", —105 с

4)Дейноров Э. (2011) История Японии // М.: АСТ: Астрель, — 768 с

5)Кожевников В.В. (1998) Очерки древней истории Японии. // Издательство Дальневосточного университета, — 204 с.

6)Кузнецов, Ю.Д., Навлицкая, Г.Б. (1988) История Японии // Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. "История" / Ю.Д. Кузнецов, Г.Б. Навлицкая. - М.: Высш. шк., — 432 с

7)Чиркин, В.Е. (2002) Конституционное право зарубежных стран // В.Е. Чиркин. - М.: Юристъ, — 608 с.

[6] Закон «О полиции» Японии (1954) // Япония: справочник / сост. В. Н. Еремин. М., "Республика", —105 с

[7] Чиркин, В.Е. (2002) Конституционное право зарубежных стран // В.Е. Чиркин. - М.: Юристъ, — с. 307.

Боровиков Александр Вячеславович
Borovikov Alexander Vyacheslavovich
магистрант Тольяттинского государственного университета, институт права
E-mail: bonitlt@mail.ru

УДК 343.712

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ХИЩЕНИЯ

CONCEPT AND SIGNS OF THEFT

Аннотация: В статье проведен теоретико-правовой анализ понятия и признаков хищения. Выделены формы и виды хищений. Сделан вывод о том, что, понятие хищения является собирательным, так как объединяет в себе все признаки, характерные практически для всех видов хищений. Все хищения характеризуются рядом общих субъективных и объективных признаков.

Abstract: The article provides a theoretical and legal analysis of the concept and signs of theft. The forms and types of theft are identified. It is concluded that the concept of theft is collective, since it combines all the signs that are characteristic of almost all types of theft. All thefts are characterized by a number of common subjective and objective signs.

Ключевые слова: хищение; формы хищений; виды хищений; кража, грабеж, разбой.

Keywords: theft; forms of theft; types of theft; theft, robbery, robbery.

Понятие хищения появилось не сразу и имеет свою историю развития, по словам А.И. Бойцова, является «продуктом длительного исторического развития» [1, с. 102], легальной формулировке которого предшествовало формирование и закрепление самостоятельных видов хищений. В процессе развития уголовной ответственности за преступные посягательства на чужое имущество посредством различных способов происходит выделение отдельных видов хищений, что в дальнейшем выявило потребность в их систематизации и вычленении общих для всех признаков, которые обобщились в соответствующем понятии. В целом же, в настоящее время, понятие хищение является собирательным, так как объединяет в себе все признаки, характерные практически для всех видов хищений.

Впервые слово «хищение» можно встретить только в первых декретах советской власти [6]. До этого времени, рассматривая категория, больше имела доктринальное значение. Наиболее полно формы хищения были раскрыты в Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [18], к которым относились кража, присвоение, растрата и иные виды хищений. Как можно заметить, названный Указ имел открытый перечень форм хищения. Главным было то, что предметом хищения являлось государственное, колхозное, кооперативное и иное общественное имущество.

В советской доктрине предпринимаются первые попытки разработки обобщенного понятия хищения, которое бы включило в себя признаки, характерные для всех видов хищений.

Так, первый кто, сформулировал общее определение хищения, был А.А. Пионтковский, который хищение государственного или общественного имущества понимал как «умышленное незаконное обращение кем-либо государственного, колхозного или иного общественного имущества в свою собственность» [10, с. 307]. Другие ученые также определяли хищение применительно к государственной или общественной собственности [17].

Более развернутое определение хищения дал А.И. Санталов, указав в нем и на формы хищения - «незаконное безвозмездное обращение с корыстной целью государственного или общественного имущества в свою собственность или передачу его с той же целью третьим лицам, которое совершается путем кражи, грабежа, разбоя, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением и мошенничества» [9, с. 350]. Более того, ученый предложил разработать обобщенное понятие хищение применительно как к государственной или общественной собственности, так и к личной собственности граждан [9, с. 346].

Однако, что касается понятия хищения относительно личной собственности, то, некоторые ученые считали, что если такое общее понятие отсутствует в законе, то и не стоит его вводить в научной оборот вопреки терминологии законодателя [1, с. 104].

Законодатель в действующем УК РФ сформулировал понятие хищения, как «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества». Данное законодательное понятие является родовым понятием для ряда имущественных преступлений. Кроме того, данное понятие распространяется не только на статьи УК РФ, но фактически используется и для составов мелкого хищения в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [8].

При всем при том, что в настоящее время наличествует легальное определение хищения, в науке не прекращаются попытки сформулировать его доктринальное определение. Все ученые, вырабатывают свои авторские определения хищения посредством выделения разных признаков, которых насчитывается зачастую от двух до девяти [3, с. 11].

К примеру, С.Ф. Милюков предлагает под хищениями понимать «общественно опасное противоправное изъятие чужого имущества с целью распорядиться им как собственным либо обращение такового имущества в пользу виновного или других лиц» [14, с. 232].

По мнению А.В. Голиковой под хищением правильнее понимать «противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом, сопряженное с его изъятием из владения собственника или иного владельца, причинившее ущерб, совершенное с целью распоряжения им по усмотрению виновного» [4, с. 42].

Н.С. Третьякова считает, что хищение представляет собой «завладение или действия, направленные на завладение чужим движимым имуществом, совершенные с корыстной целью» [16, с. 245].

Г.В. Журавлева и Н.А. Карпова предлагают реформировать легальное определение хищения, по примеру белорусского законодателя, предусмотрев в нем его формы [7, с. 62].

Л.Д. Гаухман и М.П. Журавлев в качестве недостатка легального определения хищения указывают на такой его признак, как противоправность. Ученые полагают, что указанный признак делает определение хищения усеченным, не позволяющий как хищение квалифицировать действия лиц, злоупотребляющих своим служебным положением и направленные на изъятие и (или) обращение государственного имущества в свою пользу или других лиц, причинив ущерб государству. Все это, по мнению Л.Д. Гаухмана и М.П. Журавлева, оставляет подобные хищения, имеющие место быть, безнаказанными. Не решает данную проблему и введение в УК РФ различных видов мошенничеств (ст.ст. 159-159.6 УК РФ) и состава присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ) [3, с. 12], с чем не согласна Н.А. Лопашенко, считая такое решение законодателя справедливым, так как «у должностного лица отсутствует свой специфический способ хищения» [12, с. 148].

Однако, Л.Д. Гаухман и М.П. Журавлев полагают, что хищение государственного имущества должностным лицом с использованием своего служебного положения является самостоятельной формой хищения, которая может осуществляться вне форм мошенничества и присвоения или растраты. Важно также отметить, все-таки некоторую разницу между государственной и частной собственность, на которые посягают должностные лица, используя свое служебное положение. В данном случае не только нарушаются интересы собственника, которым является государство, но и подрывает авторитет государственной власти. Поэтому для повышения эффективность уголовно-правовых средств борьбы с хищениями в виду особенности государственной собственности как предмета преступных посягательств, необходимо УК РФ дополнить еще одной формой хищения, как хищение чужого имущества путем злоупотребления служебным положением [3, с. 63]. Кроме того, авторы предлагают новую формулировку хищения посредством расширения ее за счет перечисления форм хищения, куда в числе ныне закрепленных форм хищения, входит и хищение, совершенное путем злоупотребления должностным лицом своим служебным положением [3, с. 64].

Однако, большинство ученых согласны с законодательным определением хищения, которое по их мнению «имеет не только теоретическое, но и принципиально важное практическое значение, способствуя отграничению хищений от других преступлений, посягающих на собственность и совпадающих с ним по тем или иным признакам состава, а стало быть, являясь необходимой основой для правильной квалификации этих посягательств и в конечном счете – назначению справедливого наказания лицам, их совершивших» [1, с. 105].

Из законодательно определенного понятия хищения, можно выделить следующие признаки:

1) корыстная цель;
2) противоправность;

3) безвозмездность;
4) изъятие и (ли) обращение в пользу виновного или других лиц;
5) чужое имущество;
6) причинение ущерба собственнику имущества или иному его владельцу.

Данные признаки можно сгруппировать относительно того, какую сторону состава хищения они образуют. Так, из перечисленных выше признаков, характеризующих хищения, к объективным относятся: чужое имущество, противоправность, безвозмездность, изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц, причинение ущерба (характеризуют объективную сторону состава хищений). Субъективная сторона всех хищений характеризуется корыстной целью.

Наиболее подробно следует остановиться на рассмотрении такого признака всех хищений, как предмет преступных посягательств, которым является чужое имущество.

Понятие «имущество» является гражданско-правовой категорией, под которой в одних случаях понимают совокупность вещей, и прав на них, а в других личное имущество (актив имущества в виде вещей и имущественных прав) [20, с. 126]. М.А. Рожкова уточняет, что понятие «имущество» «охватывает все то, что обладает экономической ценностью (имеет объективную ценность) для участников гражданского оборота и допускает передачу (переход) от одного лица к другому». В таком понимании под категорию имущества подпадают любые «объекты, обладающие экономической ценностью для участников гражданского оборота и допускающие передачу этих объектов от одного лица к другому (вещи, результаты работ, оказание услуг, имущественные права, включая исключительные)» [15, с. 6].

В доктрине уголовного права при рассмотрении имущества как предмета хищения выделяют такие его характерные признаки, как физическая, экономическая и юридическая сторона [1, с. 110].

Имущество с физической стороны, как предмет хищения, по словам А.И. Бойцова, должно быть вещественным предметом, доступным чувственному восприятию человека [1, с. 110]. Иными словами, предмет хищения является осязаемым предметом, «который можно взять руками, захватить» [19, с. 162] и имеет определенные физические параметры: количество, вес, объем и т.д., то есть, вещные свойства. Нематериальные объекты и явления не могут являться предметом хищения (например, различного вида энергия). Из такого понимания имущества как предмета хищения, Н.А. Лопашенко делает справедливый вывод о том, что имущество толкуется уже, чем в гражданском законодательстве и включает только движимое и недвижимое имущество [11, с. 32].

При этом, следует отметить, что в науке поднимается вопрос о том, что недвижимое имущество не может являться предметом некоторых форм хищения (кражи, грабежа и разбоя), в которых не предусмотрена ответственность за завладение имуществом и правом на имущество. Связано это с тем, что переход недвижимого имущества из собственности владельца во владение, пользование либо распоряжение виновного может быть осуществим лишь в том случае, когда лицо завладевает правом на данное имущество.

Таким образом, предметом кражи, грабежа и разбоя может быть только то имущество, которое человек в состоянии унести или увезти на каком-либо транспорте, что отличает его, например, от мошенничества [2, с. 94] или присвоения чужого имущества [5, с. 42], где предметом преступления может быть иное имущество [13, с. 64].

Второй признак выражается в том, что похищаемое должно обязательно обладать определенной экономической ценностью (стоимостью). При этом следует различать потребительскую и меновую стоимость имущества. Потребительская стоимость представляет собой способность вещи удовлетворять те или иные потребности человека. Поэтому, к примеру, предметы, которые утратили хозяйственную ценность, выброшены собственником за ненадобностью – не являются предметом хищения. Меновая стоимость имущества характеризует его как предмет гражданского оборота, т.к. только вещи, имеющие цену, могут быть похищаемы, т.е. являются предметом хищения [19, с. 163].

Юридический признак чужого имущества проявляется в двух аспектах. Во-первых, имущество должно быть чужим для похитителя, т.е. он не имеет никаких, даже предполагаемых прав на него. Во-вторых, предметом преступлений против собственности в смысле главы 21 УК РФ, может быть только имущество, являющееся объектом вещного права и находящееся в свободном гражданском обороте.

Следует заметить, что именно имущество, являющееся предметом хищений, является тем обстоятельством, которое определяет степень вредоносности конкретного преступления. Все это

является основанием для дифференциации хищений на отдельные виды в зависимости от ценности похищенного имущества. Так выделяют такие виды хищений, как:

– мелкое хищение (стоимость похищенного не превышается одной тысячи рублей (ч. 1 ст. 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [8] и ст. 158.1 УК РФ);

– хищения в значительном размере (не менее пяти тысяч рублей (п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159.3, ч. 2 ст. 159.5, ч. 2 ст. 159.6, ч. 2 ст. 160 УК РФ) и не менее десяти тысяч рублей (ч. 5 ст. 159 УК РФ);

– хищения в крупном размере (свыше двухсот пятидесяти тысяч рублей (п. «в» ч. 3 ст. 158, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159.2, ч. 3 ст. 159.3, ч. 3 ст. 160, п. «д» ч. 2 ст. 161, ч. 3 ст. 162, п. «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ) и свыше трех миллионов рублей (ч. 6 и 7 ст. 159) свыше полутора миллионов рублей (ст. 159.1 и 159.5 УК РФ);

– хищения в особо крупном размере (свыше одного миллиона рублей (п. «б» ч. 4 ст. 158, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159.2, ч. 4 ст. 159.3, ч. 4 ст. 159.6, ч. 4 ст. 160, п. «б» ч. 3 ст. 161, п. «б» ч. 3 ст. 162, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ) и свыше двенадцати миллионов рублей (ч. 6 и 7 ст. 159), свыше шести миллионов (ст. 159.1, ст. 159.5 УК РФ).

В зависимости от способа изъятия имущества, т.е. признака, характеризующего объективную сторону хищений, в науке уголовного права выделяют формы хищений, т.е. «те юридически значимые способы (приемы), посредством которых изымается имущество» [1, с. 302]. В УК РФ каждая форма хищений предусмотрена в самостоятельной статье. Так, к формам хищений относятся:

– кража, т.е. тайное хищение чужого имущества (ст. 158 УК РФ);

– грабеж, т.е. открытое хищение чужого имущества (ст. 161 УК РФ);

– разбой – хищение, которое совершается с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (ст. 162 УК РФ);

– мошенничество – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием (ст.ст. 159 – 159.6 УК РФ);

– хищение вверенного виновному чужого имущества путем присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ).

Следует заметить, что вымогательство, по мнению некоторых ученых, не относится к хищениям. К примеру, по мнению А.И. Бойцова, вымогательство является корыстным преступлением против собственности, которое не содержит признаков хищения [1, с. 683].

Таким образом, понятие хищения является собирательным, так как объединяет в себе все признаки, характерные практически для всех видов хищений. Все хищения характеризуются рядом общих субъективных и объективных признаков. Имущество как предмет хищения характеризуется такими признаками, как физическая, экономическая и юридическая сторона. При этом, имущество, являющееся предметом хищений, является тем обстоятельством, которое определяет степень вредоносности конкретного преступления. Все это является основанием для дифференциации хищений на отдельные виды в зависимости от ценности похищенного имущества. В зависимости от способа изъятия имущества, т.е. признака, характеризующего объективную сторону хищений, в науке уголовного права выделяют формы хищений.

Библиографический список:

1. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.

2. Бондарь А.В., Старков О.В., Упоров И.В. Мошенничество как вид преступного посягательства против собственности и особенности его проявления в сфере банковской деятельности. Сыктывкар, 2003. С. 94.

3. Гаухман Л.Д., Журавлев М.П. К вопросу о понятии хищения // Уголовное право. 2014. № 6. С. 11-16.

4. Голикова А.В. Признаки хищения в Уголовном кодексе Российской Федерации // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации / Отв. ред. Б.Т. Разгильдиев. Саратов, 2002.

5. Городенцев Г., Упоров И. Понятие присвоения и растраты вверенного имущества в уголовном праве России // Уголовное право. 2004. № 4. С. 42.

6. Декрет ВЦИК от 20.06.1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

7. Журавлева Г.В., Карпова Н.А. К вопросу о формах хищения по российскому уголовному праву // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 62-64.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.
9. Курс советского уголовного права (часть Особенная). Т. 3 / Отв. ред Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1973.
10. Курс советского уголовного права: В 6 т. М.: Наука, 1970. Т. 4.
11. Лопашенко Н.А. О понятии «экономическая преступность» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 2. С. 32.
12. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. М., 2005.
13. Лукин В.К., Хуако Х.Ш. Правовая характеристика предмета преступления против собственности в виде грабежа // Естественно-гуманитарные исследования. 2015. № 10 (4). С. 64-67.
14. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000.
15. Рожкова М. Новеллы Гражданского кодекса РФ: расширен ли круг объектов гражданских прав // Хозяйство и право. 2014. № 3. С. 6.
16. Российское уголовное право: Учебник: В 2 т. / Под ред. Э.Ф. Побегайло. Т. 2.
17. Тихенко С.И. Борьбы с хищениями социалистической собственности, связанная с подлогом документов. Киев, 1959.
18. Указ Президиума ВС СССР от 04.06.1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
19. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1901.
20. Шевцив О.С. Некоторые аспекты понятия имущества как объекта гражданских прав // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 126-129.

Сухих Оксана Владимировна
Sukhikh Oksana Vladimirovna
Студент ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», Структурное подразделение: Институт права.

УДК 34

РОЛЬ ЗЕМЕЛЬНОГО НАЛОГА В СИСТЕМЕ НАЛОГОВЫХ ДОХОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE ROLE OF LAND TAX IN THE TAX REVENUE SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: в работе рассмотрены основные проблемы органов местного самоуправления, как получателей земельного налога

Annotation: The paper deals with the main problems of local government bodies as recipients of land tax.

Ключевые слова: земельный налог, кадастровая стоимость, доходы местных бюджетов.

Keywords: land tax, cadastral value, local budget revenues.

Введение. Анализ основных принципов формирования системы налогообложения в Росси, делает очевидным факт неравномерного, порой несправедливого распределения налогов в общей структуре фискальной политики нашего государства.

Дело все в том, что львиная доля всех налогов, уплачиваемых субъектами налогообложения, уходят в консолидированный бюджет государства.

Теоретически эти платежи должны возвращаться на места в виде дотаций и субсидий для реализации органами местного самоуправления своих полномочий при решении вопросов местного значения, к которым в основном относится создание благоприятных условий для проживания населения.

Однако, как показывает практика, распределение этих дотаций и субсидий осуществляется далеко не равномерно и не зависит от реальных потребностей того или иного муниципального образования. Развитию и обустройству подлежат лишь те города, в которых присутствует сильная управленческая линия, позволяющая добиваться получения этих денег, путем участия в конкурсах, или путем договоренности в целях реализации общих с регионом планов.

Бюджетное законодательство Российской Федерации ограничило бюджеты городов незначительным количеством местных доходов идущих непосредственно в бюджет муниципального образования, но все же оставило на местах один из самых древних сборов - земельный налог.

Основной раздел. Земельный налог занимает особое место в налоговой системе Российской Федерации. Несмотря на сравнительно невысокую долю земельного налога в общем объеме доходных поступлений, он выступает в качестве важного источника формирования местных бюджетов.

Земельный налог как один из регулярных и стабильных доходов государства, существует с древних времен. Земля, как объект налогообложения, имеющий свои индивидуальные характеристики с учетом специфики месторасположения, площади, доходности, а также целей использования позволяет государству регулировать размер этого платежа путем введения дифференцированного метода.

В Росси переход от фиксированных платежей за землю к исчислению земельного налога с учетом многофакторного подхода произошел с 1 января 2005 года, когда в соответствии с Федеральным законом от 29.11.2004 № 141-ФЗ в Налоговый кодекс Российской Федерации была введена глава 31 «Земельный налог».[1]

Вместо использования в качестве налоговой базы площади земельного участка, которая для исчисления налога умножалась на ставку, и регулирующие коэффициенты налоговая база стала

[1] О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2004 № 141-ФЗ (ред. от 04.11.2014) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431

определяться исходя из кадастровой стоимости земельного участка, которая определяется на основе отчета о кадастровой оценке земель с учетом таких факторов, как доходность земельного участка, его отдаленность от объектов коммунальной инфраструктуры и селитебной территории. Определение кадастровой стоимости земли отнесено к функциям субъектов Российской Федерации и должно было стать залогом субъективного определения размера платы за землю.

Кроме того, органам местного самоуправления делегированы полномочия по установлению ставок земельного налога на территории своего муниципального образования.

На основании изложенного и с учетом того, что из-за специфики административного и кадастрового деления земель на территории Российской Федерации в местные бюджеты должны поступать существенные доходы от земельного налога.

Однако, согласно Справке «О поступлении администрируемых ФНС России доходов в 2019 году», размещенной на сайте Федеральной Налоговой Службы поступления земельного налога в 2019 году составили 184,3 млрд. рублей (14% всех поступлений имущественных налогов; 4,38 % от суммы всех налогов поступающих в местные бюджеты) [2].

Возникает вопрос о том, почему самый большой в количественном выражении ресурс нашей страны дает столь маленький доход в местные бюджеты, страдающие от колоссального дефицита. Почему доходы от столь существенного имущественного ресурса несоразмерны. Тем более, что в соответствии с Государственным (национальным) докладом о состоянии и использовании земель в Российской Федерации площадь земельного фонда Российской Федерации на 1 января 2019 года составила 1 712 519,1 тыс. га без учета внутренних морских вод и территориального моря. [3.7]

Анализ правого поля, регламентирующего порядок исчисления и администрирования этого дохода показывает, что реальные возможности органов местного самоуправления в указанном вопросе, несмотря на закреплённые законом широкие полномочия имеют значительные ограничения, установленные тем же законодательством.

Налоговым кодексом Российской Федерации установлен обширный перечень земель, освобожденных от уплаты земельного налога или не являющихся вообще объектами налогообложения.[4]

К таким земельным участкам относятся земли:

занятые особо ценными объектами культурного наследия народов Российской Федерации, объектами, включенными в Список всемирного наследия, историко-культурными заповедниками, объектами археологического наследия, музеями-заповедниками;

земельные участки из состава земель лесного фонда;

земельные участки, занятые находящимися в государственной собственности водными объектами в составе водного фонда;

земельные участки, входящие в состав общего имущества многоквартирного дома;

земельные участки, занятые государственными природными заповедниками и национальными парками;

земельные участки, занятые зданиями, сооружениями, в которых размещены для постоянной деятельности Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, зданиями, сооружениями, в которых размещены военные суды;

земельные участки, занятые объектами организаций федеральной службы безопасности; объектами организаций органов государственной охраны;

земельные участки, занятые объектами использования атомной энергии, пунктами хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ;

земельные участки, занятые объектами, в соответствии с видами деятельности которых созданы закрытые административно-территориальные образования;

земельные участки, занятые объектами учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний;

земельные участки, занятые воинскими и гражданскими захоронениями;

---

[2] Режим доступа: https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm, дата обращения:20.10.2020

[3] Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель Российской Федерации. Режим доступа: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%20%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%2011.12.pdf/, дата обращения:20.10.2020

[4] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 23.11.2020)// Собрание законодательства РФ", 07.08.2000, N 32, ст. 3340

земельные участки, занятые инженерно-техническими сооружениями, линиями связи и коммуникациями, возведенными в интересах защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации.

Изучение перечня объектов, правообладатели которых освобождены от уплаты земельного налога, позволяет сделать вывод, что большая часть из них находится в управлении федеральных органов власти, а сами земельные участки находятся в Федеральной собственности.

Стоит отметить, что право федеральной собственности по состоянию на 1 января 2019 зарегистрировано на земельные участки площадью 995 293,4 тыс.га, что составляет более 63% от общей площади земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности.2.42.]

В частной собственности находится 133082,9 тыс.га земельных участков, что составляет 7,8% земельного фонда страны. Из них площадь земельных участков, находящихся в собственности граждан, составила 112120,4 тыс.га или 6,6%, в собственности юридических лиц находилось 20962,5 тыс.га или 1,2% земельного фонда России.[2.42.]

Таким образом, можно сделать вывод, что государство наделившее органы местного самоуправления правом получения земельного налога за земли расположенные в их территориальных границах, сократила реальные источники получения дохода, ограничив их в обороте.

Кроме установленных государством налоговых преференций по земельному налогу в отношении собственных земель, федеральным законодательством установлена возможность пересмотра налоговой базы. При исчислении земельного налога – кадастровая стоимость земельного участка, может быть оспорена заинтересованным лицом и уменьшена. Так собственники земли обращаются к независимым оценщикам, которые определяют стоимость земельных участков в 2-10 раз ниже установленной кадастровой.

В результате стихийного установления кадастровой стоимости земли в размере ее рыночной стоимости происходит снижение поступлений земельного налога в местные бюджеты.

Также с каждым годом все хуже обстоят дела и с администрированием земельного налога. Напомню, что администрирование включает в себя выявление субъекта и объекта налогообложения, начисление налога, доведения информации до плательщика, контроль поступления и осуществление действий по взысканию просроченной задолженности. Также, наряду с перечисленным необходимо проведение камеральных проверок в отношении юридических лиц и контроля за правильностью исчисления земельного налога.

Оптимизация фискальных органов, проводимая в последние годы в нашей стране, фактически отдалила администраторов земельного налога от мест расположения объектов и субъектов налогообложения. Структурные подразделы налоговых органов на местах упразднены, региональные отделения свели работу по начислению земельного налога в ранг электронного взаимодействия с органами государственного кадастрового учета и картографии. Органы местного самоуправления исключены из этой цепочки и получатель земельного налога не имеет установленного законом административного ресурса по контролю и регулированию ситуации. В частности органы местного самоуправления не могут контролировать объем поступающих и выпадающих доходов, поскольку налоговые органы не предоставляют соответствующих сведений в разрезе каждого налогоплательщика. Кроме того, нет возможности произвести мониторинг ситуации и проверить насколько актуальны передаваемые в налоговую инспекцию сведения из Управления Росреестра.

Наличие пробелов и коллизий в обширном Российском законодательстве, не позволяет получателю земельного налога в полной мере реализовать свое право на компенсацию ущерба причиняемого от использования ресурсов, расположенных в границах муниципальных образований и блокирует возможность пополнения местных бюджетов.

Библиографический список:

1. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2004 № 141-ФЗ (ред. от 04.11.2014) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.

2. Режим доступа: https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm, дата обращения:20.10.2020.

3. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель Российской Федерации. Режим доступа: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%20%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%2011.12.pdf/, дата обращения:20.10.2020.

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 23.11.2020)// Собрание законодательства РФ", 07.08.2000, N 32, ст. 3340.

Кулуев Эдуард Фанильевич
Eduard Kuluyev Fanilevich
Магистр ФЗДО ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
E-mail: kef1995ak@mail.ru

УДК 343.72

ПУТИ РЕШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО, В ТОМ ЧИСЛЕ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

WAYS TO SOLVE MODERN PROBLEMS OF LIABILITY FOR FRAUD, INCLUDING IN THE FIELD OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Аннотация: В статье предложены пути решения современных проблем ответственности за мошенничество, в том числе в сфере предпринимательской деятельности. Автор на основе анализа специфики мошенничества в сфере предпринимательской деятельности выявил особенности регулирования межпредпринимательского мошенничества.

Abstract: the article suggests ways to solve modern problems of liability for fraud, including in the field of business activity. the author, based on the analysis of the specifics of fraud in the field of entrepreneurial activity, identified the features of regulating inter-entrepreneurial fraud.

Ключевые слова: межпредпринимательское мошенничество, ответственность, уголовное законодательство.

Keywords: inter-entrepreneurial fraud, liability, criminal legislation.

Решение проблем ответственности за мошенничество является необходимым условием дальнейшего существования всей системы мошеннических преступлений, поскольку вероятность унификации положений специальных составов в общую норму о мошенничестве за счет указания на большее количество квалифицирующих признаков на данный момент является лишь вопросом времени, также как и волна устранения из УК РФ специальных норм об ответственности за мошенничество.

Особое внимание стоит уделить путям решения современных проблем ответственности за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5 – 7 ст. 159 УК РФ), поскольку наибольшая актуальность и необходимость изменения данной нормы признается многими исследователя.

Во-первых, предлагается ч. 5 – 7 ст. 159 УК РФ исключить из УК РФ, поместить норму «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» в новую ст. 159^7 УК РФ.

Во-вторых, предлагается полностью перенять диспозицию из ранее действовавшей ч. 1 ст. 159^4 УК РФ, исключив признак «причинения значительного вреда». Таким образом, представляется необходимым ч. 1 ст. 159^7 УК РФ изложить как: «Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности».

В-третьих, по-видимому, нет необходимости в ныне существующем ограничительном толковании потерпевших от мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, а именно – индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций. Тем самым, представляется возможным понизить уголовно-правовую привилегированность данных субъектов общественных и договорных отношений.

Положения, касающиеся ограничительного толкования субъекта предпринимательского мошенничества, предлагается оставить неизменными.

В-четвертых, думается, что квалифицированные составы мошенничества в сфере предпринимательской деятельности стоит изменить, придав норме более казуистичный характер.

Относительно ч. 2 ст. 159^7 УК РФ стоит сказать, что признак значительного ущерба стоит изложить именно в ней, представив ее в следующей редакции: «То же деяние, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину». Для определения значительного ущерба стоит руководствоваться примечанием к ст. 158 УК РФ, являющемся общим для преступлений против собственности. Соответственно значительный ущерб будет определяться исходя из имущественного

положения гражданина, но не сможет быть менее 2,5 тыс. рублей. В данной формулировке норма о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности приблизится к ч. 2 ст. 159 УК РФ, что предотвратит исключение граждан как потерпевших в практике применения нормы о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности. Несомненно, данное изменение позитивно скажется на правоприменительной практике.

В-пятых, ч. 3 ст. 159^7 УК РФ стоит представить как: «То же деяние, совершенное в крупном размере».

В-шестых, предлагается ч. 4 ст. 159^7 УК РФ изложить следующим образом: «То же деяние, совершенное в особо крупном размере либо повлекшее банкротство или иные тяжкие последствия».

С учетом вышеизложенного, представляется правильным вернуться к лимитам в определении крупного (от 1,5 до 6 млн. рублей) и особо крупного ущерба (от 6 млн. рублей), закрепленных ранее в примечании к ст. 159^1 УК РФ и распространяющих свое действие на ст. 159^4 УК РФ. Признание данных лимитов необходимым следствием сферы их применения, то есть предпринимательской деятельности, вполне обоснованно, поскольку предпринимательство является одним из базовых элементов экономической системы современного государства, а в условиях развития рыночной экономики соотнесение размеров вреда в сфере предпринимательской деятельности и иных преступлений против собственности не представляется возможным. Сохранение данных размеров, в свою очередь, требует ужесточения санкций за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности.

Дополнение ч. 4 ст. 159^7 УК РФ признаком, характеризующим наступившие последствия «банкротство или иные тяжкие последствия» представляется необходимым, поскольку данное обстоятельство не учитывалось ранее существовавшей нормой. Стоит отметить, что данное положение заимствовано из УК ФРГ 1998 года [4]. УК ФРГ не содержит конкретного последствия в виде банкротства, поскольку норма о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности в нем не предусмотрена, но, в то же самое время, норма о мошенничестве (§ 263) предусматривает в качестве особо тяжкого случая – мошенничество, которое «ставит другое лицо в бедственное экономическое положение». Именно поэтому, применительно к сфере предпринимательской деятельности, наиболее верным будет последствие в виде «банкротства», которое стоит дополнить «иными тяжкими последствиями», поскольку предпринимательская деятельность является очень многогранной, иным тяжким последствием может являться, к примеру, привлечение лица к гражданско-правовой ответственности (в частности, субсидиарной ответственности руководителя коммерческой организации). Внесение в УК РФ данных последствий видится правильным, поскольку последствия в форме «банкротства или иных тяжких последствий» положительно скажутся на правоприменительной практике, ввиду того, что уголовным законодательством РФ столь явные последствия не учитываются, акцент смещается в сторону размера причиненного преступлением вреда, что не совсем верно. В свою очередь, данное положение «перерабатывает» последствие ч. 4 ст. 159 УК РФ – «лишение права гражданина на жилое помещение» применительно к сфере предпринимательской деятельности.

В-седьмых, видится необходимой корректировка толкования «преднамеренности неисполнения договорных обязательств» в п. 9 ПП ВС РФ от 15 ноября 2016г. № 48[1], а возможно и перенос данного понятия в п. 11 ПП ВС РФ от 30 ноября 2017г. № 48[2].

Толковать понятие «преднамеренности неисполнения договорных обязательств» необходимо следующим образом: «Преднамеренным неисполнение договорного обязательства следует считать действия лица, выступающего представителем организации или предпринимателя либо самого индивидуального предпринимателя, решившего до заключения договора или во время его заключения, определяемого моментом подписания договора с учетом соблюдения всех его существенных условий, намеренно не исполнять обязательства по выполнению работ, услуг или оплате имущества, рассчитывая противозаконно завладеть имуществом, сознавая, что тем самым причинит прямой реальный ущерб его собственнику или иному владельцу».

Данное изменение позволит конкретизировать проявление объективной стороны состава мошенничества в сфере предпринимательской деятельности в рамках данного понятия, а также избавиться от проявлений ограничительного толкования потерпевшего.

В-восьмых, по вопросу приведения санкций ст. 159^7 УК РФ в соответствие с положениями Конституции РФ, представляется верным обратиться к смещению ответственности в сторону экономических взысканий, соответственно ужесточив их, но также необходимо привести в

соответствие с положениями общей нормы о мошенничестве санкции, касающиеся лишения свободы. Несомненно, данное решение будет являться компромиссным, но способным, в свою очередь, дать норме право на существование.

Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 159^7 УК РФ) предлагается наказывать штрафом в размере до 500 тыс. рублей, либо принудительными работами на срок до 2-х лет или лишением свободы на тот же срок.

Для мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, совершенного с причинением значительного ущерба гражданину (ч. 2 ст. 159^7 УК РФ) стоит установить ответственность в виде штрафа до 1 млн. рублей, либо принудительных работ на срок до 5-ти лет или лишением свободы на тот же срок.

За мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, совершенное в крупном размере (ч. 3 ст. 159^7 УК РФ) стоит установить ответственность в виде лишения свободы сроком до 6 лет, а также установить сумму штрафа в размере до 2,5 млн. рублей.

Также предлагается ужесточить наказание за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, совершенное в особо крупном размере либо повлекшее банкротство или иные тяжкие последствия (ч. 4 ст. 159^7 УК РФ) по типу санкции ч. 4 ст. 159 УК РФ. Наказание стоит представить в виде: лишения свободы на срок до 10 лет со штрафом в размере до 5 млн. рублей. Подобное повышение суммы штрафа стоит обосновать тем, что сумма штрафа в 5 млн. рублей является максимально возможной экономической санкцией по российскому уголовному законодательству.

Ввиду вышеизложенных предложений по ужесточению санкций за совершение мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, стоит наглядно представить максимальные санкции в виде штрафа и лишения свободы, предусмотренные для предлагаемой редакции нормы о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159^7 УК РФ) в Таблице 1.

Таблица 1

Максимальные санкции в виде штрафа и лишения свободы по предлагаемой редакции ст. 159^7 УК РФ

Ч. 1		**Ч. 2**		**Ч. 3**		**Ч. 4**	
Штраф	**Лишение свободы**	**Штраф**	**Лишение свободы**	**Штраф**	**Лишение свободы**	**Штраф**	**Лишение свободы**
До 500 тыс.	До 2 лет	До 1 млн.	До 5 лет	до 2,5 млн.	До 6 лет	Лишение свободы до 10 лет + штраф до 5 млн.	

Представляется, что уклон в сторону экономических санкций будет наиболее благоприятен для предпринимательской сферы. Также видится, что данные меры уголовной ответственности будут соответствовать общественной опасности мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Усиление ответственности даст право на существование данной нормы с «повышенными» лимитами определения крупного и особо крупного вреда.

На основе всего вышесказанного стоит предложить ввести в УК РФ норму о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности в классической четырехзвенной форме и представить ее в следующем виде:

«Статья 159^7. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности.

1. Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, –

наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину, –

наказывается штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо принудительными работами на срок до

пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

3. То же деяние, совершенное в крупном размере, –

наказывается штрафом в размере до двух миллионов пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо принудительными работами на срок до шести лет, либо лишением свободы на тот же срок с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового.

4. То же деяние, совершенное в особо крупном размере либо повлекшее банкротство или иные тяжкие последствия, –

наказывается лишением свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового

Примечание. Крупным размером в настоящей статье признается стоимость имущества, превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей, а особо крупным – шесть миллионов рублей».

Думается, что подобное решение проблем, связанных с регламентацией нормы о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности, способно удовлетворить желаниям всех противоборствующих сторон и, в современных реалиях, полноценно урегулировать отношения, складывающиеся в данной сфере.

Обратимся к путям решения проблем ответственности за специальные виды мошенничества.

Относительно нормы о мошенничестве в сфере кредитования (ст. 159^1 УК РФ), стоит сказать, что наиболее верным видится законодательное устранение из нее специального субъекта – заемщика, особенно с учетом разъяснений Верховного Суда РФ, поскольку именно его наличие в диспозиции формирует большинство законотворческих и правоприменительных проблем, изученных ранее. Таким образом, предлагается изложить диспозицию ч. 1 ст. 159^1 УК РФ в следующей редакции, которая придаст норме более казуистичный характер и решит проблему правоприменения: «Мошенничество в сфере кредитования, то есть хищение денежных средств путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений».

В отношении нормы о мошенничестве с использованием платежных карт (ст. 159^3 УК РФ), стоит предложить изменить предмет данной уголовно-правовой нормы. Стоит признать, что законодательное определение предмета хищения как чужого имущества, а не как денежных средств, неудачным с точки зрения юридической техники. Видится, что предметом рассматриваемого преступления могут быть только денежные средства (как в наличной, так и в безналичной формах), находящиеся на банковском счете держателя платежной карты, то есть лица, на имя которого выпущена данная карта.

Таким образом, предлагается изложить диспозицию ч. 1 ст. 159^3 УК РФ в следующем виде: «Мошенничество с использованием платежных карт, то есть хищение денежных средств, находящихся на банковском счете держателя карты, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитно, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации».

Также представляется необходимым дополнить п. 17 ПП ВС РФ от 30 ноября 2017г. № 48[3] понятием «уполномоченный работник» применительно к ст. 159^3 УК РФ. Необходимо толковать понятие «уполномоченного работника» широко, представив его в следующем виде «Под уполномоченным работником кредитной, торговой или иной организации следует понимать лицо, на которое актом администрации кредитной, торговой или иной организации возложены соответствующие полномочия, а также иных работников данных организаций, которые фактически осуществляют расчеты с использованием платежных карт, даже в случаях отсутствия надлежащего оформления таких полномочий».

Видится, что данные изменения позволят решить существующие в рассматриваемом составе проблемы.

Что же касается нормы о мошенничестве в сфере страхования (ст. 159^5 УК РФ), то, как указывалось ранее, данная норма требует конкретизации предмета преступления с одновременным указанием на потерпевшего.

Представляется, что формулировка «чужое имущество», применяемая законодателем признается оправданной в том случае, когда объективно существуют различные вариации предмета преступления, однако анализ данной нормы показал, что предмет преступления строго определен и

не предполагает возможности выступления в качестве предмета какого-либо имущества помимо денежных средств страховой организации, которые должны быть выплачены в качестве страхового возмещения.

Основываясь на сделанных в результате анализа специального состава мошенничества в сфере страхования выводах, а также сучетом требований законодательной техники и в целях разграничения с общей нормой о мошенничестве, стоит признать целесообразным представление диспозиции ч. 1 ст. 159^5УК РФ в следующем виде: «Мошенничество в сфере страхования, то есть хищение имущества страховщика путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу».

Также необходимо указать на то, что для полноценного функционирования системы норм о мошенничестве законодателю необходимо представить правила разрешения конкуренции специальных составов мошенничества с общей нормой о мошенничестве, специальных составов между собой, а также специальных составов с кражей, путем дополнения уже существующих разъяснений. Создание данных положений разрешит практически все существующие правоприменительные проблемы норм о мошенничестве.

Анализ современных проблем ответственности за мошенничество показывает, что разрешить необходимо еще 2 существенных проблемы, мешающих системному восприятию мошеннических норм: проблему установления повышенных лимитов для определения размеров причиненного вреда, а также проблему соответствия санкций специальных составов общей норме о мошенничестве.

Решение первой из приведенных проблем представляется правильным путем упразднения Примечаний к ст. 159^1 УК РФ, что означает определение размеров причиненного вреда в соответствии с Примечаниями к ст. 158 УК РФ. Данное изменение приведет к соответствию системы мошеннических преступлений с иными нормами о хищениях.

Относительно второй проблемы представляется верным приведение санкций специальных составов мошенничества, за исключением нормы о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159^7 УК РФ), в полное соответствие с общей нормой о мошенничестве (ст. 159 УК РФ).

Во исполнение вышеизложенного, требуется, во-первых, включение в санкции ч. 1 ст. 159^1 – 159^6 УК РФ наказания в виде лишения свободы сроком до 2-х лет. Во-вторых, увеличение срока наказания в виде лишения свободы в ч. 2 ст. 159^1 и 159^2 УК РФ с 4-х до 5-ти лет.

Представляется, что воплощение в жизнь указанных выше предложений по совершенствованию ответственности за мошеннические преступления, позволит решить большинство существующих на данный момент законотворческих и правоприменительных проблем мошенничества, в частности, проблему несоответствия мошеннических составов конституционному принципу равенства всех перед законом, устранить привилегированность положения субъектов различных сфер деятельности, а также, за счет компромиссных предложений в отношении нормы о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности, придать завершенность и системность специальным составам ответственности за мошенничество.

Библиографический список:

1 О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016г. № 48 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.12.2020).

2 О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017г. № 48 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.20.2020).

3 О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017г. № 48 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.12.2020).

4 Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии (ФРГ) в редакции от 13.11.1998г. // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». – URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID (дата обращения: 12.12.2020).

Панковец Анна Алексеевна
Pankovets Anna Alekseevna
Магистрант ФЗДО ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

УДК 347.447

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОДНОСТОРОННЕГО ОТКАЗА ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА

RELEVANT ASPECTS OF UNILATERAL REFUSAL OF THE STATE (MUNICIPAL) CONTRACT

Аннотация: В статье анализируются актуальные аспекты института одностороннего отказа от исполнения государственного (муниципального) контракта. Автор предлагает внести изменения в ГК РФ, позволяющие эффективно регулировать вопросы одностороннего отказа от исполнения государственного (муниципального) контракта.

Abstract: The article analyzes the current aspects of the institution of unilateral refusal to execute a state (municipal) contract. The author proposes to amend the Civil Code of the Russian Federation to effectively regulate the issues of unilateral refusal to execute a state (municipal) contract.

Ключевые слова: односторонний отказ, ГК РФ, государственный (муниципальный) контракт, право на односторонний немотивированный отказ

Keywords: unilateral refusal, Civil Code of the Russian Federation, state (municipal) contract, the right to unilateral, unmotivated refusal

В 2018 – 2020 годах вопросы связанные с осмыслением системы правового регулирования закупочной деятельности в Российской Федерации достаточно часто становились предметами научного исследования [20, с. 458].

Наиболее интересные и актуальные научные труды были посвящены исследованию исторического развития правового регулирования и финансового обеспечения закупок теоретические и практические проблемы правового регулирования контрактной системы в сфере закупок, проблем обеспечения обязательств в контрактной системе, обзор системы правового регулирования закупочной деятельности в рамках ЕАЭС, вопросы действующего законодательства в сфере государственных закупок, как центрального метода регулирования закупочной деятельности и т.д.

По мнению В.В. Витрянского, «обычное понимание государственной контрактной системы как распространенной и неизменной формы гражданско-правовых отношений утвердился взгляд на его развитие как на закономерный процесс перехода от возникновения простых форм государственных закупок к более сложным» [2, с. 238].

Регулирование института одностороннего отказа от исполнения государственного (муниципального) контракта возложено на Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [9] (далее – Закон о контрактной системе).

Применительно к государственным и муниципальным контрактам практическую значимость одностороннего отказа от его исполнения в исключительных случаях, когда поставщик (исполнитель, подрядчик) не исполняет или ненадлежащим образом исполняет свои обязательства по такому контракту, трудно переоценить, поскольку односторонний отказ от исполнения контракта всегда совершается непосредственно односторонними действиями стороны и во внесудебном порядке путем направления соответствующего уведомления другой стороне, то есть происходит экономия времени и финансовых средств (в виде госпошлины, оплаты услуг экспертов при необходимости и т.д.) [15].

Вступивший в силу с 1 июня 2015 г. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ» (Далее – ФЗ № 42) [7] внес серьезные изменения в положения главы 29 ГК РФ, посвященной изменению и расторжению договора.

Право на односторонний немотивированный отказ от договора поставки не предусмотрено в настоящий момент и не было предусмотрено ранее законодателем в параграфе 3 главы 30 ГК РФ,

как, например, это сделано для договоров подряда или возмездного оказания услуг (ст. 717, ст. 782 ГК РФ).

Отказ от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору от исполнения обязательства или обязательства – это правовые категории, широко применяемые на практике. Вместе с тем, они не всегда правильно понимаются участниками правоотношений.

С учетом законодательной реформы, в п. 2 ст. 310 ГК РФ и п. 3 указанной статьи внесены следующие поправки. Наряду с традиционным положением о том, что «односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ, другими законами или иными правовыми актами», установлено новое правило, в соответствии с которым: «одностороннее изменение условий обязательства, связанного с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, или односторонний отказ от исполнения этого обязательства допускается в случаях, предусмотренных ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором.

В случае, если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, право на одностороннее изменение его условий или отказ от исполнения обязательства может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей предпринимательской деятельности, за исключением случаев, когда законом или иным правовым актом предусмотрена возможность предоставления договором такого права другой стороне».

Несмотря на то, что ГК РФ по-разному регулирует возможность одностороннего отказа от исполнения обязательства (ст. 310 ГК РФ) и одностороннего отказа от исполнения договора (ч. 1 ст. 450.1, ст. 523 ГК РФ) в цивилистике необоснованно указанные группы одностороннего отказа отождествляются.

Интерес лица, осуществляющего право на односторонний отказ от исполнения договора, направлен на расторжение договора-сделки, тогда как интерес лица, осуществляющего право на односторонний отказ от исполнения обязательства, направлен на сохранение договора-сделки.

Во-вторых, поскольку осуществление права на односторонний отказ от исполнения договора и обязательства обусловлено различным интересом по отношению к договору-сделке, постольку совершение указанных действий должно влечь различные правовые последствия.

Особую актуальность для исследования проблемы одностороннего отказа от исполнения государственного (муниципального) контракта приобретает разъяснительная практика Верховного Суда РФ от 28 июня 2017 г. В этот период времени был принят «Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [14].

В ГК РФ называются конкретные виды обязательств, по которым возможен односторонний отказ от исполнения, в частности к ним относятся обязательства, вытекающие из договоров поставки, договоров возмездного оказания услуг, договоров подряда. Государственный или муниципальный контракт по своему правовому режиму является договором, поэтому все сказанное про договор и относящееся к таковому в равной мере относится и к контрактам.

Тем самым, представляется рассматривать каждую форму государственных закупок как относительно самостоятельный механизм, а также просматривать не только процесс ее реализации, изменения и завершения, но и выявлять факторы оказывающие непосредственное воздействие на них.

Ряд авторов, исследуя правовую природу института публичных закупок пришли к выводу, что в контексте построения эффективной модели контрактной системы, можно сделать вывод о том, что в каждом конкретном государстве построение модели прокьюремента может зависеть от следующих факторов: уровня ВВП, политического режима, источников права, уровня аксиологии права, юридической герменевтики, вида экономической системы, уровня развития юридической техники, геополитической и внутринациональной ситуации и атмосферы [4, с. 45].

Именно поэтому при заимствовании зарубежных «экономических и юридических» инструментов правового регулирования контрактной системы необходимо провести мониторинг и задуматься, о согласовании заимствованных форм и методов отечественной правовой системе в целом и национальной экономики в частности [5, с. 79].

Другой подход к изучению данного вопроса предлагает возможность не ограничиваться односторонностью и исследовать правовое регулирование контрактной системы в сфере государственных и муниципальных закупок с позиции юриспруденции, экономики и стратегического

менеджмента. При таком подходе предусматривается приоритет целого, которое не является функцией или результатом сложения частей. В рамках него, назначение частей контрактной системы и ее функций получают свое осмысление с точки зрения понимания их отношения к целому, т.е. с позиции структуры. Часть вне целого теряет все свои качества. Если иметь в виду контрактную системы, то особенности отдельных ее форм определено тем, что они отличаются не только морфологией, т.е. различной компоновкой частей, но и тем, что формально части обладают различными значениями и функциями с точки зрения частно-публичных отношений, к которым они относятся (запрос предложений; аукцион; запрос котировок; конкурс) [6, с. 381].

В этой связи, понимание контрактной системы, как при системном, так и при комплексном подходе не столько не исключают, а взаимодополняют друг друга, помогая постичь природу частно-публичных отношений в разных модусах проявлений [3, 106].

Вместе с тем, в научных изысканиях ученых-цивилистов не нашла своего отражения проблема правового регулирования и порядка реализации права сторон государственного (муниципального) контракта на односторонний отказ от исполнения.

По мере накопления опыта практической реализации положений нормативно-правовых актов процесс заключения государственного (муниципального) контракта совершенствуется и развивается. Данный процесс находится в постоянном движении, так как природа государственных контрактов весьма разнообразна и требует постоянного нормативно-правового регулирования и разъяснений соответствующих правоприменительных органов. Зачастую данные разъяснения противоречат друг другу, что вызывает соответствующие проблемы в правоприменении.

Таким образом, разногласия и противоречия, возникающие в ходе исполнения государственного (муниципального) контракта требуют дальнейшего постоянного совершенствования законодательства в области государственных закупок с целью развития предпринимательства и здоровой конкуренции в Российской Федерации [1, с. 168].

Принцип профессионализма заказчика, предусмотренный статьей 9 Федерального закона № 44-ФЗ и Профстандарты, утвержденные Приказами Минтруда России от 10.09.2015 № 625н, 626н [12] о специалистах и экспертах в сфере закупок презюмируют должную степень подготовки должностных и уполномоченных лиц заказчика, но, к сожалению, на практике ситуация обстоит следующим образом.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03. 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [17] дает значительные разъяснения по вопросам правового регулирования государственного (муниципального) контракта на односторонний отказ от исполнения.

В других документах судебной практики так же имеются аналогичные разъяснения. Так, согласно п. 9 Обзора судебной практики применения законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017 года) стороны не вправе дополнительным соглашением изменять сроки выполнения работ, если иное не установлено законом и контрактом [14].

Пункт 12 этого Обзора предусматривает, что стороны по общему правилу не вправе заключать дополнительное соглашение, предусматривающее увеличение цены контракта более чем на 10%. Такое условие является ничтожным, если иное не следует из закона.

В соответствии со ст. 1 44-ФЗ одним из принципов является предотвращение коррупции и других злоупотреблений в сфере закупок. Следовательно, важным для эффективной и правомерной реализации государственных контрактов в Российской Федерации является также Федеральный закон Российской Федерации № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [11].

Несмотря на то, что в данном нормативно-правовом акте нет прямого упоминания антикоррупционной деятельности в ходе заключения государственных контрактов, именно он определяет поведение и полномочия должностных лиц и уполномоченных лиц заказчика при проведении закупки, а также запрещает им принимать любого вида и размера материальные поощрения от участников закупок.

Следует указать и на нормативно-правовые акты различных органов исполнительной власти, участвующих в процессе правового регулировании государственных закупок.

Приказом Минфина России от 30.03.2015 № 52н «Об утверждении форм первичных учетных

документов и регистров бухгалтерского учета, применяемых органами государственной власти (государственными органами), органами местного самоуправления, органами управления государственными внебюджетными фондами, государственными (муниципальными) учреждениями, и Методических указаний по их применению» [13] утверждена форма Акт приемки материалов (материальных ценностей) по форме 0504220, который составляется в случае выявления факта поступления заказчику товаров ненадлежащего качества непосредственно при их приемке.

В информационных письмах Минэкономразвития России от 18.02.2015 № Д28И-403 [10] и № Д28И-387 [8], а также в постановлении Девятого ААС от 21.04.2015 № 09АП-11847/15 [16], постановлениях Семнадцатого ААС от 25.12.2014 № 17АП-15953/14 [18] и от 30.01.2015 № 17АП-17332/14 [19] регулируется обязанность заказчика отказаться от исполнения контракта по предусмотренным основаниям возникает лишь в том случае, если такие основания возникли до заключения контракта, а контрагент предоставил недостоверную информацию о своем соответствии требованиям, предъявляемым к участникам закупки.

Кроме того, правовое регулирование государственного (муниципального) контракта предусматривает различные меры защиты, как административные, так и материальные. К административным мерам относят односторонний отказ от исполнения контракта, внесение исполнителя в реестр недобросовестных поставщиков. Материальные меры предусматривают взыскание неустоек и штрафов.

С одной стороны, стороной по контракту выступают государственные (муниципальные) заказчики, а с другой участники, которыми могут быть юридические лица, физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели. Государственный контракт имеет особый объектный состав. Это поставка товара, выполнение работ и оказание услуг. Существенные условия, содержащиеся в государственном контракте строго определены законом. За нарушения требований законодательства предусмотрена административная ответственность.

Вместе с тем, разнообразие подходов к пониманию правового регулирования государственного (муниципального) контракта на односторонний отказ от исполнения указывает на незавершённость данного процесса. Зачастую нормы федерального законодательства применяются по-разному, в том числе при разрешении споров в судебном порядке. Данные условия порождают противоречия между сторонами государственного контракта.

Библиографический список:

1. Богданова Г.В. Новокшонова Н.А. Правовое регулирование исполнения государственного (муниципального) контракта // Инноватика в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития: Сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 167-174.

2. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги (переиздание). М., 2018. С. 238.

3. Коженко Я.В. Теоретико-концептуальный анализ соотношения государственно-частного партнерства и государственных закупок: постановка вопроса // Аграрное и земельное право. 2016. № 11 (143). С. 104-107.

4. Коженко Я.В., Паронян К.М., Агафонова Т.П. Правовая природа института государственных закупок // Аграрное и земельное право. 2019. № 2 (170). С. 45.

5. Кремлёва О.К. Новеллы Гражданского Кодекса Российской Федерации о корпорациях // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 3. С. 78—81.

6. Новокшонова Н.А. Некоторые проблемы привлечения к гражданской ответственности за неисполнения государственного (муниципального) контракта // Управление в современных системах: сборник трудов IX Всероссийской (национальной) научно-практической конференции научных, научно-педагогических работников и аспирантов. 2019. С. 380-385.

7. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Российская газета. 2015. 13 марта. № 52.

8. О закупках у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) - субъекта естественных монополий: Письмо Минэкономразвития России от 31.01.2017 № Д28и-387 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc (дата обращения: 22.11.2020).

9. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета от 12 апреля 2013 г. № 80.

10. О последствиях признания поставщика (подрядчика, исполнителя) банкротом после заключения контракта: Письмо Минэкономразвития России от 18.02.2015 № Д28и-403 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc (дата обращения: 22.11.2020).

11. О противодействии коррупции: Федеральный закон Российской Федерации № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ от 29 декабря 2008 г. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

12. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в сфере закупок»: Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 10 сентября 2015 г. N 625н // СПС «Консультант Плюс». http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 22.11.2020).

13. Об утверждении форм первичных учетных документов и регистров бухгалтерского учета, применяемых органами государственной власти (государственными органами), органами местного самоуправления, органами управления государственными внебюджетными фондами, государственными (муниципальными) учреждениями, и Методических указаний по их применению: Приказ Минфина России от 30.03.2015 № 52н (ред. от 15.06.2020) // СПС «Консультант Плюс». http://www.consultant.ru (дата обращения: 22.11.2020).

14. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Обзор Президиума Верховного Суда России от 28 июня 2017 г. // Бюллетень. 2017. № 12.

15. Парфенова К. Вопросы допустимости одностороннего отказа от исполнения государственных и муниципальных контрактов // Арбитражный и гражданский процесс. 2013 // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2013/6/30/ (дата обращения: 16.09.2020).

16. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21 апреля 2015 г. № 09АП-11847/15 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru/products/ipo (дата обращения: 22.11.2020).

17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03. 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «Консультант Плюс». URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (дата обращения: 12.03.2020).

18. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2014 г. № 17АП-15953/14 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru/products/ipo (дата обращения: 22.11.2020).

19. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 января 2015 г. N 17АП-17332/14 // СПС «Гарант». URL: http://www.garant.ru/products/ipo (дата обращения: 22.11.2020).

20. Шейкин И.А. Правовое регулирование закупок в России на современном этапе // StudNet. 2020. №4. С. 458.

Панковец Анна Алексеевна
Pankovets Anna Alekseevna
Магистрант ФЗДО ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

УДК 347.447

ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК РЕАЛИЗАЦИИ ОДНОСТОРОННЕГО ОТКАЗА ЗАКАЗЧИКОМ

BASIS AND PROCEDURE FOR IMPLEMENTATION OF A UNILATERAL REFUSAL BY THE CUSTOMER

Аннотация: В статье анализируются основания и порядок реализации одностороннего отказа заказчиком. Автор предлагает внести изменения в ГК РФ, позволяющие эффективно регулировать вопросы одностороннего отказа от исполнения государственного (муниципального) контракта.

Abstract: The article analyzes the grounds and procedure for implementing a unilateral refusal by the customer. The author proposes to amend the Civil Code of the Russian Federation to effectively regulate the issues of unilateral refusal to execute a state (municipal) contract.

Ключевые слова: односторонний отказ, ГК РФ, государственный (муниципальный) контракт, право на односторонний немотивированный отказ, заказчик

Keywords: unilateral refusal, Civil Code of the Russian Federation, state (municipal) contract, the right to unilateral unmotivated refusal, customer

Право расторгнуть государственный контракт есть как у поставщика (подрядчика, исполнителя), так и заказчика. При этом стоит отметить, что у поставщика (подрядчика, исполнителя) предусмотрено право принятия решения об одностороннем отказе от исполнения государственного контракта на основании Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4] (Далее – Закон о контрактной системе), однако, на заказчика законодатель возлагает обязанность расторгнуть государственный контракт в определенных ситуациях, изложенных в Законе.

По справедливому выводу Н.В. Южанина, «в отличие от института расторжения государственного (муниципального) контракта по соглашению сторон, проблематика его расторжения в одностороннем порядке со стороны заказчика остается острой» [16, с. 72].

Автор также утверждает, что «само право одностороннего расторжения государственного контракта допустимо только в случае, если таковая возможность предусмотрена самим контрактом. Есть позиция, что государственный контракт должен обязательно иметь конкретный перечень оснований для одностороннего отказа» [15, с. 25].

Но есть диаметрально противоположная точка зрения. Например, Е.В. Карташова, утверждает, что «в указанных документах отмечена только целесообразность установления перечня оснований для одностороннего расторжения» [2, с. 46].

Возможность одностороннего отказа в качестве бесспорного права, установленная ст. 782 ГК РФ, предусматривает возможность совершения заказчиком такого действия при отсутствии нарушений обязательств контрагентом, при условии возмещения преимущественно понесенных расходов.

В соответствии с ч. 9 ст. 95 Закона о контрактной системе заказчик вправе принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта, по основаниям, предусмотренным ГК РФ и при условии, если это было предусмотрено контрактом.

Решение заказчика об одностороннем отказе от исполнения контракта не позднее чем в течение трех рабочих дней с даты принятия, размещается в единой информационной системе в разделе «Дополнительная информация о закупках, об исполнении контрактов» и направляется поставщику (подрядчику, исполнителю).

При этом, то же действие, со стороны исполнителя по своей природе является правом, приравнивается к мере гражданско-правовой ответственности, предусматривает возмещение всех убытков заказчика, т.е. влечет весьма негативные последствия для исполнителя.

Также различными нормами ГК РФ предусмотрены основания для одностороннего отказа в виде нарушений контрагентом обязательств по контракту, что по своей сути является мерой защиты субъективного права стороны контракта. В связи с тем, что в действующем законодательстве о контрактной системе не конкретизируются основания для одностороннего отказа, такой отказ является безусловным.

Нормативно не закреплен четкий ответ на вопрос необходимы ли определенные условия, или же заказчик может применить односторонний отказ от исполнения контракта без каких либо объективных причин для этого. Учитывая это, возрастает риск необоснованных отказов от исполнения контрактов со стороны недобросовестных заказчиков.

Так, на практике сложились два противоположных мнения. В судебной практике и научной литературе [14, с. 43] остается спорным вопрос о возможности стороны отказа от исполнения контракта при обстоятельствах, когда отсутствуют какие-либо нарушения обязательств стороной, например на основании пункта 1 статьи 782 ГК РФ, в соответствии с которым заказчик имеет право отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов [13, с. 144].

Вопросам одностороннего расторжения государственных (муниципальных) контрактов посвящены пункты 14 и 15 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

Так, например, согласно п. 14 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 за 2018 г. следует, что «отсутствие в государственном (муниципальном) контракте упоминания о каком-либо конкретном существенном нарушении обязательств, являющемся основанием для одностороннего отказа, не может свидетельствовать об отсутствии у стороны такого права, если в контракте содержится общее указание на право стороны на односторонний отказ» [6].

Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, отсутствие в контракте конкретных случаев нарушения обязательств при закреплении в контракте самой возможности его одностороннего расторжения не свидетельствует об отсутствии такого права при наличии соответствующего основания в Гражданском кодексе РФ.

Необходимо отметить и весьма негативные последствия отказа от исполнения контракта заказчиком для репутации исполнителя, при котором сведения о таком исполнителе включаются в Реестр недобросовестных поставщиков, что не свидетельствует о гражданско-правовой природе такой санкции.

Такую меру юридической ответственности относится к публично- правовому характеру, так как действие отнесено к компетенции Федеральной антимонопольной службой России, и осуществляется оно во внесудебном порядке.

Между тем, стоит отметить, что контракты, сведения о которых не отражаются в реестре контрактов, по мнению Минэкономразвития России не могут быть расторгнуты в одностороннем порядке так как, сведения об этих контрактах не вносятся в реестр контрактов, в частности закупки малого объема.

Можно выделить следующие основания для одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в соответствии с ч. 9 ст. 95 Закона о контрактной системе.

1. Отказ от исполнения контракта в одностороннем порядке для заказчика будет невозможен, если в контракте данное право не было отражено. Соответственно оно должно быть сформулировано таким образом, чтобы не существовало оснований для его неоднозначного толкования.

Существует судебная практика, в которой суд, руководствуясь положениями ст. 431 ГК РФ принял решение об отсутствии у заказчика права на односторонний отказ от исполнения контракта, ввиду того, что он не содержит данного права [12].

2. Отказ от исполнения контракта в одностороннем порядке возможен, по основаниям, установленным ГК РФ. Следовательно, нарушений норм только Закона о контрактной системе не является основание возникновения данного права у заказчика. Несмотря на то, что нормы ГК РФ предусматривают возможность одностороннего отказа от исполнения договора как по основанию ненадлежащего исполнения обязательств, так и по другим основаниям, при анализе положений статьи 95 и 104 Закона о контрактной системе можно сделать вывод, что применение части 9 статьи 95 заказчиком связано с нарушением поставщиком (подрядчиком, исполнителем) своих обязательств.

В совместном письме ФАС и Министерства экономического развития РФ от 18.02.2016 № 324-ЕЕ/Д28и, АЦ/9777/16 [5] говорится, что заказчик может указать в контракте конкретные

основания для одностороннего отказа от его исполнения.

Например: отказ поставщика передать заказчику товар или принадлежности к нему (п. 1 ст. 463, ст. 464 ГК РФ); существенное нарушение поставщиком требований к качеству товара, а именно обнаружение заказчиком неустранимых недостатков, недостатков, которые не могут быть устранены без несоразмерных расходов или затрат времени или выявляются неоднократно либо проявляются вновь после их устранения, и других подобных недостатков (п. 2 ст. 475 ГК РФ); невыполнение поставщиком в разумный срок требования заказчика о доукомплектовании товара (п. 1 ст. 480 ГК РФ); неоднократное нарушение поставщиком сроков поставки товаров (п. 2 ст. 523 ГК РФ); отступление подрядчика, исполнителя в работе, услуге от условий договора или иные недостатки результата работы, которые не были устранены в установленный заказчиком разумный срок либо являются существенными и неустранимыми (п. 3 ст. 723 ГК РФ) [5].

Эта же позиция отражена и в Обзоре судебной практики от 28.06.2017. Так в пункте 15 указанного документа говорится о том, что «стороны контракта вправе конкретизировать признаки существенного нарушения обязательства, совершение которого является надлежащим основанием для одностороннего отказа от исполнения контракта» [7].

Из этого пункта следует, что заказчик, отражая в контракте такие основания, обязан их придерживаться. Однако стоит отметить, указание данного условия является все же правом, а не обязанностью. Это подтверждается в том же Обзоре судебной практики. Так в пункте 14 документа указывается, что «включение в контракт конкретных оснований для одностороннего отказа от исполнения контракта не является обязательным, и соответственно указание в контракте лишь общего условия о таком праве заказчика не является основанием об отсутствии такого права» [7].

Односторонний отказ заказчика от исполнения контракта, связанный с неисполнением поставщиком, предусмотренных обязательств по поставке товара не мешает взысканию с него пени за просрочку исполнения обязательств [8].

Заказчик вправе требовать уплаты как пени – за просрочку обязательства по поставке товара, так и штрафа – за неисполнения обязательства по поставки товара в целом. Эта позиция высказана в Определении от 09.03.2017 № 302-ЭС16-14360 Судебной коллегии по экономическим вопросам ВС РФ. Аналогичное положение содержится в пункте 36 Обзора судебной практики от 28.06.2017. Несмотря на то, что высказанные позиции касались поставки товара, по нашему мнению, это может касаться также выполнения работ и оказания услуг.

Пеня за просрочку исполнения обязательств по государственному (муниципальному) контракту подлежит начислению до момента прекращения договора в результате одностороннего отказа заказчика от его исполнения. Одновременно за факт неисполнения государственного (муниципального) контракта, послужившего основанием для одностороннего отказа от договора, может быть взыскан штраф в виде фиксированной суммы [7].

Примером судебной практики в этом случае может служить Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.07.2017 № 19АП-3329/16. В рамках дела № А08-8314/2015 заказчик подал иск к поставщику с требованием о взыскании неустойки за нарушение обязательств по контракту в виде пени за просрочку исполнения обязательств по поставке товара и штрафа за нарушение срока поставки товара. Судом первой инстанции было принято решение об удовлетворении требований заказчика в части, а именно во взыскании штрафа.

Проанализировав приведенные факты нарушения обязательств по контракту суд установил, что поставщиком фактически допущено одно нарушение условий контракта, а именно нарушение срока поставки товара.

Поэтому учитывая, что гражданским законодательством не предусмотрено одновременное применение нескольких видов ответственности за одно и то же нарушение договорных обязательств, суд приходит к выводу о том, что взыскание с поставщика одновременно пени и штрафа является неправомерным. Заказчик с данным решением суда не согласился и направил апелляционную жалобу.

Изучив материалы дела, доводы апелляционной жалобы, судом апелляционной инстанции было удовлетворено требование заказчика о взыскании штрафа за неисполнение обязательства и пени за просрочку исполнения обязательства [8].

В случае неисполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) контракта в полном объеме, или при нарушении требований к качеству товаров (работ, услуг) суды придерживаются аналогичной позиции [3, с. 382].

Примером судебной практики в этом случае может служить Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 04.07.2017 № 05АП-3944/17. Так в рамках дела № А59-4969/2016 заказчик подал иск к поставщику с требованием о взыскании пени и штрафа за нарушение сроков выполнения работ. Суд первой инстанции, установив в действиях ответчика «факты допущенной просрочки исполнения и ненадлежащего исполнения обязательства» [10], пришел к выводу о наличии оснований для удовлетворения иска в полном объеме. Суд апелляционной инстанции оставил данное решение без изменения. Ссылаясь на ненадлежащее качество поставленных витрин, заказчик отказался от исполнения контракта в одностороннем порядке. Поставщик оспорил этот отказ в суде [1, с. 49].

Суд назначил товароведческую экспертизу, проведение которой было поручено Дальневосточной ТПП. Эта экспертиза также подтвердила, что экспозиционное оборудование изготовлено некачественно и непрофессионально, что фактические размеры и геометрические формы витрин, а также примененные для их изготовления материалы не соответствуют требованиям контракта, не позволяют демонстрировать конкретные музейные экспонаты и т.д.

Однако дополнительная экспертиза, проведенная экспертами Курганской ТПП, показала, что в техническом задании заказчика нет точного описания примененных понятий, нет технических характеристик и конкретных параметров витрин, что спецификация содержит грубые ошибки в размерах оборудования и технические недоработки дизайнерского проекта. Эксперт указал, что благодаря предложенному поставщиком техническому решению стало возможным установить экспозиционное оборудование в помещение, в котором стены и полы выполнены не по уровню, а углы не выверены на 90 градусов. Экспертное заключение завершалось выводом о том, что все выявленные недостатки малозначительны, а в целом витрины требованиям контракта соответствуют.

В итоге судебных разбирательств, растянувшихся на два года, односторонний отказ заказчика от исполнения контракта все-таки был признан правомерным [11]. Последняя экспертиза не повлияла на исход дела, т.к. сам факт несоответствия поставленного товара условиям контракта (наличие в нем недостатков) ею опровергнут не был.

В этом примере был затронут вопрос о правомерности одностороннего отказа от исполнения контракта в случае, если недостатки товара малозначительны и легкоустранимы. Суд посчитал, что принципиален сам факт наличия недостатков, которые не были устранены поставщиком в разумный срок. Если же поставщик все замечания исправил, односторонний отказ от исполнения контракта со ссылкой на ненадлежащее качество товара будет признан незаконным.

Таким образом приведенные примеры судебной практики подчеркивают, что если вместе с просрочкой поставщиком (подрядчиком, исполнителем) допущены иные нарушения обязательств по контракту, то наряду с пенями он обязан уплатить заказчику еще и штраф в размере, определяемом в соответствии Законом о контрактной системе. В тоже время при возникновении спорной ситуации о взыскании одновременно и пени, и штрафа решение суда может исходить из конкретных обстоятельств и условий контракта.

Библиографический список:

1. Гурин О.Ю. На каком основании отказаться от исполнения контракта, если поставленный товар ему не соответствует // Прогосзаказ.рф. 2019. № 1. С. 47 - 61.

2. Карташова Е.В. Проблематика расторжения государственного контракта со стороны заказчика // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвузовского научного конгресса (г. Москва, 31 декабря 2019 г.). М., 2019. С. 46.

3. Новокшонова Н.А. Некоторые проблемы привлечения к гражданской ответственности за неисполнения государственного (муниципального) контракта // Управление в современных системах: сборник трудов IX Всероссийской (национальной) научно-практической конференции научных, научно-педагогических работников и аспирантов. 2019. С. 380-385.

4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета от 12 апреля 2013 г. № 80.

5. О позиции Минэкономразвития России и ФАС России по вопросу об установлении в проекте контракта оснований для одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта при осуществлении закупок в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: Письмо Министерства экономического развития РФ и Федеральной

антимонопольной службы от 18 февраля 2016 г. №№ 324-ЕЕ/Д28и, АЦ/9777/16 // СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71239994/ (дата обращения: 30.11.2020).

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 2018 г.: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

7. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28.07.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 12.

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.03.2017 № 302-ЭС16-14360 по делу № А33-28174/2015 // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru (дата обращения: 30.11.2020).

9. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.07.2017 № 19АП-3329/16 по делу № А08-8314/2015 // ЭПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru (дата обращения: 30.11.2020).

10. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 04.07.2017 № 05АП-3944/17 по делу № А59-4969/2016 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 30.11.2020).

11. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 27.06.2018 по делу № А59-1468/2016 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 22.11.2020).

12. Решение Арбитражного суда Московской области от 14 августа 2019 года по делу № А41-90139/18 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/3gng0NqcESoR/ (дата обращения: 30.11.2020).

13. Сафина Г.Ф. Особенности одностороннего отказа заказчика от исполнения государственного (муниципального) контракта // Академическая публицистика. 2020. № 10. С. 144.

14. Степанова Е.Е. Контрактная система в сфере закупок: Опыт цивилистического исследования: Монография. СПб., 2018. С. 43.

15. Южанин Н.В. Одностороннее расторжение государственного контракта: анализ законодательства и направления для коррекции // Нотариус. 2019. № 2. С. 25.

16. Южанин Н.В. Односторонние правозащитные меры в механизме гражданско-правового регулирования. М., 2019. С. 72.

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1140

Научный юридический журнал «Юридический факт»
Кемерово 2020